

18+

Михаил Бледнов

**Между небом
и асфальтом**

Михаил Бледнов

Между небом и асфальтом

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17854113

ISBN 9785447460600

Аннотация

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Будет бесспорно занимательно в качестве экстремального экскурса в эпоху криминального цинизма и смутных представлений о духовных ценностях. Молодое поколение достоверно уткнётся лбом в некрашенный забор криминального общества. На примере одного взятого молодого индивидуума развивается его блицкриг во взрослую суровую реальность. Написано от 1-го лица. Максимальный реализм времени с его менталитетом, жаргоном и криминальной философией. P. S. Роман имеет продолжение. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	9
Глава 2	22
Глава 3	38
Глава 4. Желтый Жигули и Ленусик-Пиккенесик	48
Глава 5. Сиамские братья	63
Глава 6. Про селедку в постели	75
Глава 7. Наливай, доченька	90
Конец ознакомительного фрагмента.	102

Между небом и асфальтом

Михаил Бледнов

Дизайнер обложки Михаил Дзирко

© Михаил Бледнов, 2016

© Михаил Дзирко, дизайн обложки, 2016

ISBN 978-5-4474-6060-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Для кого-то лестница – это спуск, для кого-то – подъем. Смотря, кто, с какой стороны к этой лестнице подходит. А вообще скажу вам, это я точно знаю, человек каждый, клянусь дрожжами, волен выбирать себе ту или иную сторону. Кому-то дано подойти к основанию, чтобы в дальнейшем уверено или не очень, но все же карабкаться наверх. Кто-то родился уже падающим с нее (лестницы). Кого-то подбросили другие, но такие обычно из той породы, для которых эскалатор – это спуск. Это жизнь. Нет, честно, я не загружаю вас. Вы сами узнаете, кому дано ходить с ярмом на шее, и нет у него духа для сброса его, тот и будет всю жизнь быком. А иному везде свобода, и не запрячь его и не прогнуть волю и дух человека, человека – не быка из стада.

По настоящему людей намного меньше, чем вы можете себе представлять, это аксиома, доказывать, посему не стану. Кто-то и сейчас думает, ах какой прекрасный человек, этот мой новый сосед. Какой щедрый и отзывчивый. На него с уверенностью можно положиться. Погодите называть человеком того, кто всего лишь подал вам ломоть хлеба, пусть белого с маслом. Время и перипетии жизни покажут вам на него, и откроется его истинная ипостась. Дай Бог, чтобы вы не ошиблись. Я только буду этому рад, клянусь дрожжами.

Кстати, извините, ради Бога, беспросветного невежду. Я, не представившись, вступил с вами, уважаемые, в конструктивную полемику. Зовут меня Иван... Иван Денисов. Достаточно сказать, что я буду с вами предельно откровенен в данном повествовании. Это будет, не побоюсь слова дефицитного, Катехизис каменных джунглей. Как Маугли цветов гранитных и блоков бетонных. Это я не дразню старину Киплинга, это я о себе так.

Честно, на своем примере хочу донести до вас все, что кроется под абстрактным понятием жизнь.

Я знаю, как ты, читатель? Ничего, что я вот так резво на «ты», думаю – так даже проще. Если что, лабируйте к моей персоне. Так вот, ты, дорогой мой читатель, наверняка отощал от пресной мути из дырявых голов, оголодал духовно, но поскольку настоящей, достойной пищи для души и ума не так уж и много, приходится читать то, что пишется

не многим более полутора месяцев. Это не от души, не выстрадано, не объективно и вообще вызывает лично у меня ужасный токсикоз.

Я не обобщаю. Есть авторы, перед которыми я бы снимал шляпу, если бы носил ее. Можно назвать и по фамильно, но боюсь, что кое-кому в слабые головы заберутся крамольные мыслишки-шуршунчики. Мол, спелись, рекламка ненавязчивая и т. д. в византийском духе (интриганы). А больше, клянусь здоровьем Дромадера, меня раздражает проза, за лагерную бытность, если нацарапана она тем, кто не только в жизни не переступал черту закона, но даже и не удосужился найти хотя бы мало-мальски грамотного урку-консультанта для своего блевантина. И названия-то у них, как серпом по яйцам. Типа: «Слепой на зоне» или «Опущенный, но не сломленный». Бред. А как вам «Жиган – покоритель воров», «Ликвидатор из преисподней», «Ссученный чистильщик», «Беглый авторитет» и т. п. Конечно же, сие несколько утрировано, но геометрически зеркально отражает действительность, в смысле, подобные названия с соответствующим содержанием имеют место. И думаю, те люди, которые варятся или варились в лагерном соусе, или их прямая оппозиция – менты, согласятся со мною, но пусть не все, а те, кто настоящие – кремни.

Не так давно прочел одного автора, точнее несколько глав, так, ради спортивного интереса. Ну, редкий фуцин. Такое исполняет. Думаешь невольно, подтянул бы тебя хоть кто-

нибудь за базар гнилой. Конкретно горбатого читателю лепит. А пишет он примерно следующее. Описание серьезной стрелки, братва понаехала с двух сторон. Давай тележить. С одной стороны баррикады высовывается кент, как я понял, разводящий. И ждет своего визави базар держать. Расступается вся ботва и выходит вальжанный перец, и не один, а с самкой под локоток. Во, фуфлон лабрадорский, канканы мочит (это я об авторе). Причем этот дяхан с телкой, по раскладу – законник. Как вам это. Кто-то знает тему, а кто нет, поясню. Не по понятиям, тем паче вору, тому, кто почитает и должен хранить от беспредела законы неписанные воровские, подтягиваться на стрелку с бабой. Пацаны трут. Будьто хоть воровка на доверии. И после этот антиквар редкий рамс разрулил, реально. И никто не стал качать. Цирк уехал, клоуны остались.

Или еще. Заехал на тюрьму спортсмен, не прошел прописку, кстати, там и прописка лоховская описывалась, не сошелся со смотрящим. Болт забил на весь уклад хаты, рога обломал бродягам и стал авторитетом, чуть ли не смотрящим по блоку. Тут без комментариев.

Я не стану дальше пускаться в критику. Каждый пусть останется при своих. Скажу лишь одно, каждый должен делать только то, что действительно может и знает. Если нет, это халтура, брак галимый. И ни к чему рога мочить туда, где тебя никто не ждет.

Опишу немного свою жизнь со всеми ее негативами и по-

зитивами. Не гневайся, читатель, ежели приукрашу. Для тебя стараюсь. Донесу максимально реально все то, что происходит со многими. Если вы со мной, приглашаю всех, как поколение новое, так и ретроградную часть читательской аудитории, тогда милости прошу посмотреть за кулисы души и общества, а быть может, кто-то увидит себя со стороны. Вот моя цель. О! Если бы люди могли видеть глазами других людей, это многое бы изменило и удержало, наверное, от необдуманного и избавило от лукавого.

Глава 1

«Любой дурак может принять решение, но не каждый сможет нести за него ответственность. Это и отличает настоящего мужчину от дурака». Грамотно сказал Джо Бананл. Был такой дяхан сицилийский. Дон конкретный, разводил краями, недовольных почти не было. Почти, это потому, что недовольные находятся всегда. Для всех хорошим не будешь – это догма, доктрина, если хотите. Поймал себя на мысли, как приятно общаться с тобою, читатель. Мне чертовски повезло. Я будто даже вижу твои внимающие глаза, они искренние. А то ведь как бывает, я и сам так поступаю и все. Галдит кто-нибудь очередную байку, и думается ему, что всех это интересовать должно, как минимум на уровне того, сколько финансов можно сорвать с того или иного предприятия. И ты слушаешь его, точнее, вид делаешь, так из вежливости, а сам в уме, послав его ко всем чертям, ведешь свои подсчеты или строишь планы на ближайшую перспективу.

Мне кажется, не хочу ошибиться, ты, читатель, слушаешь меня, не вступая в пикировку со своими потусторонними мыслями. Я не дворянских кровей. Менталитет у меня босяцкий, может просто откорректированный и облагороженный энным количеством грамоты и интеллекта серого вещества. Я стараюсь.

Сегодня я снова, вот уже седьмой год в один и тот же день поставил свечу к распятию Христа с левой стороны церковного зала. Там всегда за упокой ставят. Ее Лена звали. Сейчас мне будет немного тяжело, мне всегда не уютно, когда я вспоминаю о ней..., о нас. Она была у меня первая, как впрочем, и я у нее. Учились в одном классе. Честно, дрожжами клянусь, я мог убить за нее. А перед глазами, синяя она и холодная на разорванном гобелене дивана с клопами, а вокруг некогда широких голубых глаз-озер, коричневые круги. Губы аж фиолетовые и ногти, ногти и пальцы по фалангу. Они умерли раньше других. Это была не та Ленка, что на выпускном школьном балу. Тогда она была красивее всех, нет, без дураков. Это не только я отметил.

Еще много позже мне об этом трюндили зануды одноклассники, добившиеся чего-либо в этой жизни. Засранцы, они не знали ее по настоящему, как я. А я то знал, и был с ней, а они все хотели ее, она была самой центральной в классе. Завидовали, скоты, мне, за глаза чернили, я-то в курсе, не лох. Тогда меня не пускали на выпускной, но я проник через окно в кабинете трудов. Как сейчас помню, сначала пролазил я, за мною следом мой друг, кстати, и по сей день Сашка Рыбаков. Я его Санек обычно кличу. Так вот, мы-то оба нормальной шуплой конституции, прошли в форточку без мыла, а тут слышим – низкий басок за окном с улицы.

– Пацаны, – то ли шепчет, то ли поет фальшиво, – меня протащите, примите сумку. – И протягивает нам пакет

с синькой. Ну, там водовка, газява, закусон самостийный, по босяцки, одним словом. А сам стоит за окном, че манекен и шевелит своими варениками, подсвинок из класса параллельного, точно сейчас и не вспомню, но, по-моему, немецкая у него фамилия, а имя – Витек.

Ну, приняли пакет и ждем, пока эта тушенка преодолет стеклянный барьер. По началу, вроде все шло ништяк, он уже почти прополз, но вот и форс-мажор вмешался в его и нашу судьбу. Он всегда, когда его не ждешь, на то и погоняло у него «Форс-мажор». Короче, зацепил этот кретин своей пятой точкой что-то там на форточке, и все стекло к чертям, приказало долго жить. Эта пятая у него, далеко не точка, как вы, наверное, догадались. Там такой ляп, мама не горюй. Так вот, этот пингвин теплотрасный влетел, нет, влетел это как-то по балетному, сути не отражает, еще бы впорхнул – написал. Вывалился он, как геморрой у толстозадой старухи вместе со стеклом и рамой. Во, дал угля. Я тогда подумал, как сейчас помню, именно так я и подумал, а Санек еле успел отскочить, когда этот пудинг... ну, вы меня понимаете. Шу-хера навел, а сам успел ретироваться, объемны не по годам, а как-то сквозанул. Грохоту, вилы!

Кипишнулись ответственные за «жульфикс» школьный, пошли с облавой, как те фашисты, только «шмейсеров» им не хватало. А мы под верстаками столярными загасились, все, думаем, засада. Проторчали в позах замысловатых с час, не меньше, гадом буду. Когда стихло, страсти поулеглись, мы

покинули свой форпост, навязанный нам кентом Форс-мажором с его поддельничком Витьком – ванильной задницей. Ну, худо-бедно, на грудь приняли белой и на пляски. Меня интересовала только она.

– Зачем выпил, ты же обещал, – так серьезно, как взрослая, сказала она мне тогда и в глаза мне посмотрела.

Как я ее любил! Да! Тут неожиданно решил, как бы оправдаться перед дамами, а то тайную жлобу на меня затаят. Я про вышеописанное мною как-то вспомнил, говоря о девушке. Ну, я об этом нерадивом авторе, поносил его, говоря, что женщин на стрелку брать по любому не по понятиям, в реалии стрелу забобришь и к бабке ходить не надо. Поймите меня, милые леди, я ни в коем разе не хотел оскорбить прекрасную половину в целом, и уж тем более не веду пропаганду патриархата. Меня и сей строй устраивает, конечно, везде есть свои минусы. Здесь случай особый, можно сказать, эксклюзивный. Не все так просто. Дело в том, что все в жизни должно находиться на своих местах. Кто-то когда-то основал кодекс этих самых не писанных истин, и это не просто была затея тронутых умом деградантов. Это как алмаз. Только поймите верно, его берут дикий и делают ему огранку. Смотрят, какая-то грань выше остальных, с ней снова работают, доводя до логического совершенства формы изделия в целом.

Так и в жизни. Постановили люди – быть сему и на практике проверили, не проконало, не пошло, переиграли, пере-

смотрели и довели до рентабельного варианта, справедливо-го для всех, ни нам, ни вам. Нет закона, есть анархия, а это кариес общества. К сожалению, отморожков хватает во все времена, но об этом позже. И получается после всех доводов и корректировок из алмаза бриллиант. Думаю, вы понимаете, о чем я.

Так и с историей о барышне на серьезном разговоре авторитетов. Было бы вкуснее иначе, было бы иначе. Значит, в этом раскладе женщина не при делах, да и не может она быть в тот кон при них. Как пацаны не пилят в барыги? Им запахло! А баба торговка, это вроде, как и нормально. Баланс! А не хаос. Хотя все уже давно замиксовалось.

Так, на чем я остановился. Ах да, школа.

Мы танцевали с ней весь вечер, и я временами выпивал с друзьями с Саньком и Мухой. Второй впоследствии станет крестным моему сыну. Накидался я тогда по самый поплавок, даже одному кенту шнопак разбил, он как-то уж очень похотливо на мою Леночку поглядывал, а впрочем, может, мне это показалось. Стебанулись мы тогда по матерому, тот енот полиэтиленовый своих индейцев подтянул, а у меня-то опричники, слава Богу, не из робкого десятка, все духовые, да еще под ваксой, хотя и те.... Но бились, чем только можно. Леночка разнимала, один фуцин ей платье порвал в запарке лихой, а она, молодцом, тоже девчонка отчаянная, стулом ему флягу разнесла. Меня выдворили, опять директор на пути оказался. И кричит:

– Я тебя не случайно, Денисов, не взял в девятый. Ты лишний раз подтвердил для меня мою правоту.

А сам ливером потрясывает, как индоутка. Это он, тупая скотина, не пропустил меня учиться дальше, пришлось поступать в технарь (ныне колледж). Можно подумать, что от перемены позывного специалиста станут лучше. В «фазан» (училище) идти мне как-то не хотелось, все же не совсем я... Вообще, я умный, но лень родилась немного раньше, совсем чуть-чуть. А этот директор, у него была польская фамилия, имя даже не помню. Он просто патологически невзлюбил меня, до сих пор не пойму причины, хотя по большому счету мне ровно. Каждый раз он отпускал неудачные шуточки с конкретизацией на личности, и сам ржал, что тот конь.

Самодур и неврастеник закипал, когда его поддевали, а он не находил, чем крыть. Это было для него равносильно удару ниже пояса, апперкот по самолюбию. Он вечно «смачно» затягивался и вслух глотал сопли, к тому же как-то громко испортил воздух, прямо на уроке. Он вел у нас историю. Историком он был тоже так себе. Честно говорю. Так вот, бабахнул он задним соплом, все замерли, и попытались удержать в себе произвольные эмоции. Вы понимаете, какие. А я не смог, да и не захотел, плевать мне было на то, как после этого самодур поляк будет ко мне относиться. Расхохотался я, должен отметить, весьма задорно. Это была по крайней мере первая его «дурацкая шутка», над которой я веселился

от всей души.

Наверное, это одна из причин его антипатии ко мне. Подумать дико. Учитель – директор средней школы – самозабвенно бздит на уроке, а в девятый класс не идет по этой «весомой» причине один из учеников. Бред, но факт. Эта скотина с рюкзаком на месте живота, отчасти напоминал мне переростка Карлсона. Штаны не глажены на подтяжках и под самую грудь. Снизу напоминают больше бриджи. Позже, когда мне было, наверное, уже лет 18, мне кто-то сообщил, что он умер. Я понимаю, о покойниках плохого нельзя, а с другой стороны, кто это установил. Вон наши отцы народов руками продажных историков-проституток, хают Сталина, что уши вместе с шубой заворачиваются, а ничего, только полнеют на глазах и в карманах раздаются, да костюмы то от Гуччи, то от Валентино меняют, не в пример тому же «тирану» всю жизнь проходившему в форме военной, пусть и генералиссимуса. Отвлекся ты, читатель, наверное, думаешь, что, и иные преподаватели мне были ненавистны. Не все.

К примеру, завуч. О, это Фимины и отдельная тема. Господи, как я ее хотел, возможно, больше, чем свою первую учительницу Ирину Леонидовну, а желал я вторую до истерики, как только может хотеть человек в начальном-классном возрасте, если, конечно, может. Но я хотел, помню точно, возможно, не зная как, но теоретически догадываясь. Ну, хоть прикоснуться к ее оголенной ноге в любом месте. Видел недавно, она так же хороша. Время над ней не власт-

но, а старше-то она меня всего на каких-то 12—14 лет. Наш класс был у нее, выпускнице педучилища, первый. Я даже в тайне ревновал ее к мужу. А признался в любви совершенно неинтересной для меня девчужке. Целый урок готовился, не мог силами собраться, подарил ей самодельную вазочку. Ну, знаете, облепляешь бутылек от микстуры или аскорбинки пластилином, а после выкладываешь на нем узор горохом, пшеном, перцем-горошком, еще невесть чем. Довольно мило выходит. Если еще от души пофантазировать, а после всю эту канитель лаком покрыть. Я ей в парту подсунул, а когда уже звонок прозвенел, сказал ей:

– В общем, я тебя люблю, ... поняла?

На следующий день она спросила:

– Это правда?

– Что? – спрашиваю я, как будто не понимаю.

– Ну, ... то, что ты вчера сказал мне.

Я что-то, наверное, ответил, не помню. Странный я, для чего говорил ей этот бред. А хотел другую, не доступную. А вот завуч, она волновала порою, даже больше. Ножки с легкой кривизной, это всегда меня сейчас заводит, может пошло с той поры. Эротическая манера общения, как будто гипнотизирует и глаза, да все лицо у нее восточного типа, огонь – женщина. Никаких денег не пожалел бы, что бы с ней хоть одну ночь. Понимаю, переспись, и она может, разочарует, как и большинство, но все же думаю, что нет. По крайней мере, не для галочки. Жаль, она не преподавала своего

предмета в нашем классе. Я бы посылал ей флюиды.

Крамольные мысли, не правда ли?

Но зато я не думал на уроке, через какую соломинку лучше всего надуть в задницу лягушку, или на каком сарае пригвоздить бездомного котенка и с расстояния в компании подобных идейных ублюдков расстреливать беззащитное мохнатое тельце гранитными залпами. Я вообще люблю и кошек, и собак.

Еще, пожалуй, я любил преподавательницу русского и литературы. Она была, впрочем, наверное, и сейчас есть, прекрасная женщина и любила свой предмет к тому же. Жаль мне ее. Она потеряла своего единственного сына. Он учился в этой же школе на год младше меня. Пацан, в общем, ничего, подросток, стал якшаться с пиздадельными, че то мутили, ну так, насколько позволяло время и возрастной ценз.

Как-то он, видно здорово накурился с приятелем и, возвращаясь домой, словил измену. Ехал ментовской уазик, а Стас, так его звали, кипешнулся не по делу. Шалушка доброй была, и ночь на дворе, может, что и чуял за собой. Мусора за ним, он в бега, они, не мудрствуя лукаво, давай шмалять. Вначале в воздух, кричат: «Стоять!». Какой там стоять. Стаса уже несло по бездорожью, ну и пуля дура нашла свою мишень. Завалили, мыши серые, пацаненка, упал, как будто просто споткнулся, да вот только подняться уже не судьба.

Еще и 18-ти не было. А был он у нее единственный сын, веселый такой при жизни, прикольный. Но она, учитель

наша, молодцом. Вынесла, не сломалась, злобу лютую, видать, в себе перемолола, а это тяжелее всего. Работала и после, и никак это не отразилось на качестве. Она молодец. Не могу сказать одного о нашей классной руководительнице. Не в смысле, что она мировая чувиха – классная, а просто классуха. Эгоистичная, самовлюбленная ослица с трехметровым радиусом своего целлюлитного туза. С обкомовским менталитетом, ее муж был кулуарным бонзой, дядей с холма, партократ, особо приближенный к скипетру и державе; ум, честь и совесть нашей эпохи и т. д. А она, как здоровая губка, впитывала в себя всю богемную партсивуху, и, проходя, как утка, по коридору, расплескивала ее на ходу, обливая, не нарочно, попадавшихся ей на пути. Просто орошала своим блевантином, продуктом биосинтеза, номенклатурного аппарата и конъюнктуры светской жизни. Без принципов и особых знаний в науке преподавала географию, причисляя себя до сумасшедшего самозабвения к когорте интеллигенции. Это же страшно подумать, честно, такой замечательный, увлекательнейший предмет, как география, преподносился из ее тонких уст, трансформируясь в ее каштановой завитой голове, как нудный доклад по ядерной энергии и роли атома в жизни современного человека.

Она, так же как и директор с польской фамилией, недолюбливала меня и Сашку, впрочем, недолюбливала, это как-то мягко сказано. Ох, как мы ее проводили, мама не горюй! Она, эта говорящая задница даже ставила под сомне-

ние дальнейшую целесообразность моего пребывания в храме науки. Особенно после того, как меня выперли из трудового лагеря, после 7-го класса. У нее было достаточно оснований, и мудило директор, царство ему небесное, обеими руками с пожелтевшими от «беломорского» никотина ногтями поддерживал ее. Но заступила за меня наша «руссичка». Та, которую я, в общем-то, любил. Хоть и она была тоже полная женщина, но я бы никогда не написал за нее гадостей, и дородность эта была у нее какая-то добрая.

Спасибо ей, правда! Я всегда любил сочинять и выплескивать все на бумагу, но она развила во мне эту страсть, клянусь дрожжами. Почему-то вспомнил, как классуха, потеряв терпение, дала свой домашний номер телефона одному пацаненку, он тоже учился в нашей школе и жил в одном с нами дворе, а был младше года, наверное, на три. Эта увесистая швабра наивно полагала, что он маленький и запуганный ее непрерываемым авторитетом помчится, что есть сил домой ко мне и Саньку, отдаст телефон нашим родителям, и передаст просьбу, чтобы те, вооружившись терпением, отзвонились классному руководителю своих нерадивых отпрысков на предмет прослушивания острой, но справедливой правды, о нас, разумеется. Держи карман шире, как бы не так. Пацанчик напрямую доставил телефон, в тандеме с устной депешей к нам.

Мы, не долго думая, решили совершить ход конем. Отзвонились сами. Сначала позвонил я и, положив вязаную ша-

почку на трубку, взял высокую ноту и говорил от имени моей матери. Вышло удачно, пролезло. Ох, и сколько же я нового выслушал в свой же адрес. Моя бы мать этого не вынесла, я просто спас ее тогда, а после мы выцепили девушку с грубым не по детски голосом. И она уже звонила, имитируя Сашкину мать. Словом, выгорело. На следующий день, вы бы видели ее злорадную мину. Что ж, я рад, что смог ее осчастливить. Но и мы лицом в грязь не ударили, подыграли ей, жало в землю, и сидим, как после сурового суда Линча.

– С кем я хотела, с теми я уже пообщалась, – стиснув редкие зубки, бросила она, и самодовольно скользнула, оцарапав нас взглядом. Она-то, наивная, считала, что в это праздничное утро справедливо пребывает в мантии пурпурной. Но мы-то знали, что это галимый понт. Хотя отчего же понт, она-то не догадывалась ни о чем. Не ведала, что творит, и глумилась потому, пустышка. Развели ее в лоховскую, а вообще грамотно вещи исполнили. Я остался доволен собой, Санек, наверное, тоже. До сих пор бывает, вспоминаем, а нам уже по тридцатнику, слава Богу. Как за городом по пятьдесят, понесется!

«Если нельзя изменить обстоятельства, надо изменить точку зрения на них», – однажды с заплаканными глазами, так мне сказала Ленка, точнее процитировала гениального мира сего. Ей корячилась модная джинсовая куртка, родители пообещали. Но были очень уж они строгие у нее, и воспитание понимали, как-то по-своему, разработав концепту-

альную программу. Одна двойка и нет тебе куртки. А Лена отхватила жирную «пару» за поведение. Я же говорил, она у меня была отчаянная девчонка. Я нашел выход, хоть и немного подлый, отдаю отчет. Пробрался в классный кабинет, когда все дневники в конце недели были на проверке, выкрал их все до одного и сжег в гаражах.

Ах, как славно они горели!

– Ты с ума сошел, – говорила мне тогда Леночка.

А я знал это, и обнимал ее за худенькие плечики, на которых уютно сидела джинсовая куртка. Мне хотелось самому делать ей дорогие подарки. Когда меня не взяли в девятый, я, как уже говорил, пошел в технарь в тот, что ближе к дому. Но на втором курсе был отчислен за академические задолженности. Вот тогда я решил идти работать. Устроила меня, как сейчас помню, Мухина мамаша на завод им. Октябрьской революции. Вот где скука проходная. Утром, как замочил туда рыло, так до вечера хрен откинешься. Что зона. Хотя тогда я сравнивал не зная, позже я буду рад пахать за шумным и безобразным станком. Но, как говорится, все, что не делается, делается к лучшему, а вообще с подобным высказыванием я согласен только отчасти. Непредсказуемость жизненных сюжетов, перипетии, мать их.

Глава 2

Но работа, будь она трижды проклята, на этом гребанном гиганте индустрии, мне была не в жилу. Это тебе, Ваня, не в школе, перевернув парту крышкой вниз, усесться на нее вдвоем и катиться по лестнице черного хода, вопя при этом, что есть мочи. Устраивали мы с Саньком и еще парочкой экстрималов-активистов школьный «бобслей». Не вру, гадом буду. Вся братва школьная собиралась поглазеть на этот кордебалет. Я же говорю, фестивалили мы по зеленому. Разгоняешься и в стену.

Вот прикол?! Думаешь сейчас. Зато не топили морских свинок в растворе соляной кислоты и не присовокупляли с кошачьим хвостом гирлянды из консервных банок. Хотя последнее было очень даже безобидно, ну, почти. Животные, они твари безобидные, и, если творят гадости, то не со зла, неумышленно, порываясь из шкуры вон вылезти, но нагадить человеку...

А вот сам человек, этот может и вторит зло. Причем очень даже сознательно, утилитарно. И старается исполнить максимально подло, и по возможности пермоментно. Но не всегда сие удается и затевается логическая, логическая для людей, конфронтация. Монтекки и Каппулетти.

Весь род людской можно классифицировать на эти два рода, подвида. Это вечно будет актуально, как сам Уильям,

наш, Шекспир. Екарный бабай, я ведь каждый день вставал чертовски рано, как самоотверженный засранец, лениво вковылся в одежду, особенно зимой, когда меньше всего охота покидать теплую постель. И хочется послать этот монстроподобный станок к самому дьяволу, пусть он на нем резцы курочет.

Но Леночка, я любил ее, я мог убить за эту девушку, честно.

Пил чай, заваренный еще вчера, травился конкретно и выходил на улицу. Мама выделяла мне несколько сигарет, чтобы много не курил, и я пытался их растянуть на смену, но хватало почему-то до первого перекура. В цеховой курилке я добивал последнюю, под сопровождение медицинских семейных баек, приправленных многоэтажным отборным матом, как будто профсоюз снабжал этих заводских снобов специальными брошюрами по изучению и применению на рабочем месте профессионального мата. Причем по классификациям. Токарь, к примеру, ботал матом не много солиднее, чем, скажем, слесарь-наладчик станков с числовым и программным управлением. Профессиональные словечки – фишка, то и дело выскакивали из их натруженных голов. Слушать было тошно, и я, попросив у кого-нибудь сигаретку, т.к. мои кончились, уединялся сам с собой.

Оставшись наедине с мыслями, я рассуждал, и оттого мне становилось жутко. Конечно, все эти матершинники-работяги, ну, львиная их доля, во всяком случае, при ближай-

шем разглядывании окажутся непременно мировыми парнями семьянинами. Утром подъем. Эта мерзопакостная принудилка работа, вечная проходная с толстой контролершей, пыльный цех, цейтнот и план. Вечером сто грамм, и еле ласты до дома доволок. И так каждый день. Нет, это не для меня, так запросто можно деградировать. Им-то уже ровно, они поколение ортодоксов. Не умеешь найти применение своей серой массе в голове, носи ярмо, и, вступив в стадо, маслай на станке с табличкой-лозунгом: «Кончил, – оботри станок». У них менталитет такой, их не переделать, да и кто-то же должен заниматься и этим. С ними даже пообщаться не о чем, разве что обсудить маркировку стали того или иного резца. Черт знает, что творится у них в мозговых магистралях. Я не хотел стать таким.

На первую свою зарплату, в общем, слезы, я прикупил Ленке красные парусинки, букет роз и повел на какой-то реальный концерт. Мне было приятно прижимать ее к себе и целоваться с нею. К тому времени мы были уже близки.

Вспоминаю свой первый по настоящему взрослый поцелуй. Это было нечто. Мы так же были с Леночкой на концерте. Унылая пошлятина, надо отметить. И я поцеловал ее прямо в партере. Я боялся, что она отвергнет меня, но она ответила взаимностью. Боже, как это прекрасно, сладко, тепло губам, и легко кружится голова, особенно классно, если при этом закрываешь глаза. Улет! После этого мы с ней словно с цепи сорвались, как будто с нас вековые табу сняли. Мы

гоняли слюни на каждом шагу. Верите, – нет, но дома могли без остановки заниматься этим по 30—40 минут. Однажды целый час, после этого губы здорово опухли, но нам было хорошо. Мы даже специально спорили, кто первый прервется, тот и проиграл, но никто не хотел сдаваться, так что прерывались обоюдно, когда кто-то звал из родных, или звонил телефон.

Как я любил ее. Пишу, а у самого горла колючий комок. Я, конечно, хвастал перед ней, что до нее у меня были девушки, но вы-то понимаете, что это бравада, эпатаж.

Помню, как ломал ее. Чего мне стоило уговорить, но мы решили никогда не расставаться, и пусть только смерть разлучила бы нас, и по сему она уступила. Ей было шестнадцать, мне... да чуть побольше. Нет, вы не подумайте, я не второгодник. Старше месяцев на шесть. Снова, читатель, я перешел на «вы», волнуюсь ужасно. Самое смешное, что я не знал, как к ней подступиться, от этого все кишки переворачивало. Нет, само собой, я был теоретически в курсе, куда и что. Но не получалось. Сначала «шляпа» ужасно дымилась, она раздвигала, но как доходила до наивысшей точки соприкосновения, ей становилось больно, и у меня падал. Я даже, чтобы не ударить в грязь лицом, удалялся в другую комнату и старался поднять свое мужское начало, медитируя и представляя различных эстрадных «лакомок». И как только он был готов, я мчался в спальную и делал очередной подход, но и он был обречен на провал. Это произошло

не в первый день. Я даже после того для понту успокаивал ее и говорил, что дело в ней, но ничего страшного, попробуем завтра, только ты слишком не напрягайся, а сам думал, хоть бы это завтра не наступило никогда.

Я впал в депрессию и думал, что не такой, как остальные, а вдруг у меня не выйдет. Вот умора! Даже какая-то адиафра нашла на меня (безразличие). Я делился этим только с Мухой. Он убеждал меня, что все будет ништяк, рано выписывать себе клише полового неудачника, хотя он сам ничего не знал об этом.

Но у меня получилось. Ура! Я смог, я подобрал ключик к этому. Раздраконил ее так, что пол простыни было мокрым, и сам возбудился не на шутку и вдруг быстро вошел в нее. Она не смогла сократиться и напрячься, слишком уж возбуждена была. Вошел, а она попыталась рвануть из-под меня, но было уже не существенно. Я слышал, как лопнула плевра, а сам тут же кончил. Весь презерватив в крови, но по большому счету, крови было не так уж и много, даже белье не испортила. А потом мы пили кофе и я, как заправский мачо, курил и пускал дым из ноздрей.

А дальше – больше. Мы просто сорвали все существующие доселе мировые тормоза. Секс стал для нас священнодействием и образом жизни. Мы ловили каждый удобный момент. У нее дома или у меня. Мы хотели жить вместе, нам было по семнадцать. Я уже давно бросил этот пасмурный завод и искал способ для реального заработка.

Тусовались мы тогда в одном ДК. Я познакомился со многими ребятами из других близ лежащих криминогенных районов. Помнится, все райончики подразделялись на те, что конают или те, которые так себе, не ахти. Микрофлора, в которой жил я, взрастила в себе не одно поколение уважаемых авторитетов. Это после, кто-то спился, кто скололся и сдох, кого закрыли, и они по сей день прозябают по лагерям да пересылкам, пройдя уже все режимы. Лишь не многие сейчас на вершине иерархии теневой. Вообще, криминальное общество, это довольно сложная модель нашей действительности. Со своим укладом и иерархической лестницей. Те, кто кажутся, к примеру, для одних матерыми авторитетами, вызывают у иных лишь жалкое сочувствие, и то – саркастическое.

Есть авторы, описывающие существующую действительность достаточно объективно. К примеру, один из них, фамилию не называю, пишет за бандитские прослойки, их образ мысли и жизни. С ним я не могу не согласиться, и с удовольствием бы раскатал под непринужденный базар флакон водовки с этим человеком.

Кого-то может легко закошмарить борзый сутенер, лихой на базар. С другой стороны, кто он такой в криминальном табеле о рангах? Любой авторитетный жулик при делах ни за что не присядет с ним за один стол. Это не по закону. В падлу, сутенер – он барыга и эксплуататор женского труда. Тот автор об этом говорит, я его полностью поддерживаю. Там нет национальной принадлежности. Там тот чело-

век, у кого трезвая и холодная голова и сильный дух.

Никогда не задумывался ты, читатель, почему тщедушный старичок, который песком за собой зимний лед посыпает, повелевает сотнями быков. В одночасье, если того ситуация потребует, поднимет вселенский бунт, что лагеря на бузу, как на священное паломничество, встают. Его не прогнет система, он сам – система, своя вне закона и в нем. Он теневой арбитраж с холодной головой и заслуженным авторитетом. Такой положенец с ребрами на выпуск даст фору нескольким брикетам бандерлогов-бакланов со стальными поперечно-полосатыми мышцами. У него железный дух и негибаемая воля. То и другое в таких люди чувствуют и пасуют. Но это достаточно сложно объяснить в двух словах.

Я не скажу, что необходимо быть бесстрашным. Нет, нельзя допускать, чтобы чувство страха атрофировалось у человека. Это, своего рода, защитный барьер, который сохраняет тебя от безумного суицида.

Другое дело, как ты регулируешь высоту пламени этого рефлекса. Кто-то с заячьей душой и с лвиным гонором ломает себе грудь, особенно в компании приятных дам и под шефе, и кричит, что нет для него авторитетов, он сам прогнет любого и перекует систему. Дайте, мол, кента и я порву его как грелку, дурилка картонная. Но стоит ему реально встрять в рамс с более сильным духовно, этот енот полиэтиленовый подгибается в коленях и, как вшивая дворняга, забивается под забор, позабыв за самок, с которыми прибыл.

Обычно типы, подобные этому, колются на первом же допросе, если переступают черту закона.

Я расскажу пример из собственной жизни. Не хочу сказать, что сам духовой вселенского масштаба, но кое-что есть и заднюю не врубаю. В общем, случилось это в 94-м. Я гулял на свадьбе своего товарища, даже, наверное, друга, по крайней мере, на тот период моей жизни. После второго дня наши измученные нарзаном души требовали продолжения банкета. «Карету мне, карету», – кричал в каждом из нас Чацкий. Рассевшись по такси, мы целенаправленно, хором поехали в общагу того самого техникума, где я когда-то учился. Там жили знакомые ребята, они также присутствовали на свадьбе. Невеста моего дружбана была тоже из тех студенческих пинатов, но, как вы понимаете, молодожены двинули домой исполнять свой супружеский долг, наверное, а мы...

Ну, в общем, худо-бедно проникли в общежитие, добавили ваксы и Остапа понесло. Один мой товарищ, я знал его и до свадьбы, на которой гулеванили, но на банкете мы с ним словились, как бы это сказать, нашли что-то общее или обоюдно интересные темы. Он был уже судим, впрочем, как и я. По одной тюрьме у нас за лопатками уже имелось. Дафа – его погоняло. Сейчас вижу его очень редко, если не сказать, вообще не вижу. После того он был еще судим, нагнали и на зону этапом на нашу местную шестерку. По воровайке статью зацепил. Он кололся, но позже свадебного события. А нарики в преобладающем своем большинстве по подобным ста-

тъям к хозяину отъезжают.

В основном эти фуцины по машинам отработывают. Личейками или вилками алюминиевыми вскрывают лайбы, в которых нерадивый автомобилист магнитолы оставляет, не забирает с собой. Они их и дербанят, тушите свет. Порой крепко в консоли перевернут аппарат модный, в основном конали тогда «Пионеры», «Панасы», «Соньки», а времени у взломщика нет копать с креплением. Они его с консолью и половиной панели выдергивают.

Другое дело, на салазках вытащил и был таков. Это после стали делать магнитолы со съемными панельками. Но кто по машинам отработывает, все равно находит, что взять. Крутой антирадар, барсетку, если по запарке забудут, ветровку, еще муть какую-нибудь. Словом, что сороки – прут все. Особенно лихо бомбят у оптовых рынков. Тот с мыльной жопой и пеной у рта тарится для ларька-киоска своего, чупа-чупсы с пивом на горбу в машину стаскивает, что тот мул, а нарики – хлоп, и в один присест обносят заряженный «лимузин». Надо отдать должное их изобретательному и пытливому уму. Точнее, некоторых из них.

Ну и попадались на кармане они нередко. Тихарей тоже мусорских немерено по рынкам тусовало. Вот так и Дафа в один «счастливый» лень на нары устроился. Кстати, как откинулся, не двигался одно время, но после... снова публика для общения осталась прежней и соответственно интересы.

Тяжело в одиночку противостоять общественным при-

вычкам. Это как бросать курить, сидя в курилке, где все то и дело смолят кизяк и обсуждают тот или иной сорт ароматных сигарет.

Ну, так, на чем я остановился. Ах, да! Этот самый Дафа, тогда еще полненький, забавный такой, прикольный типчик, короче, вышел в коридор общаги то ли подышать более свежим воздухом, нежели в комнате, то ли выкурить сигарету. Суть да дело, продефилировал мимо него какой-то местный папуас из заочников, как после выяснилось, и случайно зацепил, ну как это бывает, Дафу плечом, или Дафа его. Это туловище вроде как извинился, но кента моего сие не устроило. Он решил подтянуть ффраера.

Я выбежал на шум, слышалась возня небудничная. Гляжу, стоит Дафа, напрягает этого лоха, рядом уже Мартын. Он тоже был с нами и трое дяханов-заочников, товарищи того перца с широкими плечами. Дафа-то менталитета прибандиченного, он вату не катал, а лечил этого дятла с изюмом, по полной программе.

Я приблизился, смотрю, а у него на пальце болт рыжий с барельефом. Прикинул проспиртованными извилинами, грамм на двадцать, а то и тридцать будет, если, конечно, не полый изнутри, но даже кирной выцепил, что не фармазон. А второй крендель, заступник угнетенных и поработенных душ, имел неосторожность выйти этим вечером с цепурой на тощей шее, и эта деталь была немедленно мною подмечена. Думаю, лаве нанэ, надо качать рамс до логического

расклада.

– Ты, – говорю. – Черт заповедный, на кого баллоны ка-
тишь? Что, места тебе было мало, что ты пацана боднул. Ду-
мал, наверное, что великий, разводишь в общаге студентов
на магарыч.

– Да я же, мужики, не нарочно, – стал оправдываться, как
умел лох попавший. А то, что он попал, не сомневался уже
никто, и, наверное, он сам.

Дафа продолжал полемику.

– Ты где, подпесок, мужиков узрел, что штифты пилишь
насквозь. Куда ты рога мочишь? Попандопала. За такой ба-
зар ответ держать надо.

Короче, по беспределу разводил и, но ведь без лоха
и жизнь плоха. Я маякнул Дафе, что у этого антиквара рыжье
и у кентярика «евоного». В общем, краями разошлись. По-
решали, что те не правы и в знак извинения завтра должны
будут подтянуться к памятнику Ленина, что напротив вокза-
ла, и принести нам то ли двести рублей, то ли по двести, сей-
час и не вспомню, какие тогда дньги реальной суммой было.
Ну не суть важно, а в залог мы отмели у лохов цацки: болт,
цепурку и еще что-то, экспроприировали на раз два. Тот же
гоп стоп, но более лояльный.

Какой там завтра к памятнику вождя мирового пролета-
риата. Накидались, как свиньи, водки, шампанского. Золото
то в тот же вечер маклаку одному скупщику краденного спу-
лили, правда, в два раза ниже номинала, зато он не спраши-

вал о мутном происхождении прибамбасов. Засохатили весь слам почти в кабаке, нарядно посидели.

Нет, к месту встречи мы посылали Мартына, но он вернулся и кричит:

– Там тихоря трутся, сто пудов, я их срисовал, и эти перцы с ними. Ждут, по любому, как мы луканемся, так нам ласты там и скрутят. И сармак не в жилу будет. На кичи париться, что-то не канает перспектива.

Да и цацек у нас уже не было. Кстати, тихорей никаких тоже. Это у Мартына большое воображение разыгралось, измену словил, во всем засаду видел.

– Ладно, – базарю ему. – Осади своих блатных коней. Присаживайся, накатим. – И налил ему.

Мы забухали на блат хате у Дафы или телки его основательно. Я тогда не вкурил, да и не важно было. Синька перла, мы уже разломались. В лапотнике еще хрусты шуршали. Словом, куражились. А те ханурики пусть пролетают.

Но на деле-то оказалось не все так прозаично. Встряли мы, как хрен в рукомоинике. Я тогда отчего-то вчерашний кипеш вспомнил и спросил у Дафы:

– Слышь, Серый, а что ты бандерлога этого Попандопалой обозвал. Кто такой, хоть дыбаешь?

– Кто? – спрашивает он.

– Ну, этот, Попандопала.

– Да неважно, звучит вроде бы оскорбительно, – вот так он тогда ответил, а мне стало ужасно весело.

Терпила, не дождавшись нас, в контору ломанулся. Точнее, это была его матушки прокладка. Еще та мегера. Тварь глумленая. Он ей обо всем поведал, ну, соплежуй, а она просекла тему на три кона вперед. Замутила филажей с нас снять. А так и вышло. Опера нас и приняли тепленькими уже через день, все на той же хавире. Они, волки матерые, все вынюхают. Начали плясать от общаги. Подтянули пацанят, у которых мы бухали, пристегнули их наручниками... Они и раскололись. Мусора умеют ломать. Что-что, а в этом они поднаторели, мыши! Ну, я их не виню, пацанов.

Наехали архангелы, попринимали всех. А уж в конторе сортировать давай. Я по началу пытался соскочить. Мол, не при делах. Не сработало. Закрыли в обезьянник-клетку, меня да Дафу. Не прошли мы сквозь ячейки их сетей кумовых, застряли.

Табуретку о голову мне сломали тогда. Неприятное ощущение, нет, правда, не вру. И стоят, гренадеры хреновы, пинкертоны, глумятся. На одной чаше весов правосудия – я и Дафа, на другой опера, цацки, терпила с мамашей ушлой. И Фемида из-под повязки подсматривает на чьей перевес будет.

Дело вела следачка бальзаковского возраста, не замужем, кстати, это скверная примета. Она на все племя мужское в залупе пребывала. Ну, думаю, пиши, пропало. Давай готовить собственную линию защиты. Пацанам на воле спасибо! Пока мы в клетке прели с головами похмельными, кенты на-

ши, Вовка Толстый, Серый и Сипеля, нашли терпилу, забольшляли ему ту сумму, которую утка-мамаша определила. Нашли компромисс. На очной ставке, в общем, чтобы нас этот фраер не опознал. Кстати, застали терпилу пацаны, когда он уже на контору засобирался ехать, давать показания на нас конкретно. А это 145, часть 2 УК РФ. Корячилось нам от пятака до восьмерочки, тут и к бабке ходить не надо.

Следачка, потирая мокрые сморщенные ладошки, злорадно ожидала в предвкушении триумфа. Сорт яблок-ранеток есть такой, триумф. Пусть ее от них жижа поносная пронесет. И фамилия-то у нее была, не поверите, вот и она нам не на йоту не верила. Неверова у нее фамилия, не кисло, да?!

– О, а что это у вас с головой, – спрашиваю, глядя ей в глаза.

Потерпевший уже прибыл, и вот-вот мы должны были с ним познакомиться на сухую. Толком-то я его и не помню, синька, мать ее.

– Что с головой? – спросила она, рефлекторно дотронувшись рукой до патлатой прически с седыми локонами. Ни черта не следят за собой, а хотят, чтоб мужчины на них внимание обращали и хранили лебединую верность. Это ей-то: Изиргиль, Профура-переросток, карикатурный типаж. «Мать-разруха воплоти», «Апокалипсис».

– Что с головой? – повторила она.

Вообще, как я понял, она любила задавать вопросы. А я куражился.

– Да, – говорю. – Она у вас между ушей, что ли застряла?!

Она ничего не ответила, только нервно скривила свою бледную полоску губ. И мне вдруг стало ужасно не по себе, даже страшно, клянусь дрожжами.

Вошел терпила. Я аж взбодрился. «Вот это да», – думаю, наверное, Дафа так же размышлял.

Представляете эдакий Левиафан, минотавр со стальными мускулами и головой надувного аэростата. Да этот киноцефал нас мог не в кипеш всех троих порвать, как грелку. Вот собственно к чему я подводил, за каким описывал весь этот дивертисмент. С соответствующей преамбулой, унылой пошлятиной, типа, базар за дачу заведомо ложных показаний, и прочая мудистика протекала очная ставка. Подсадили к нам еще двоих, не при делах. Этот лох-повелитель общежития вышел в центр. Сейчас, думаю, споет или чечетку сбациает. Ну, не опознал он, словом, нас. Следачка в шоке, рвет и мечет. «Запугали», – кричит. А Дафа ей:

– Да как же так, мама дорогая, где он, а где мы. Вы же нас не выпускали, хоть мы и просились юзнуть.

– Смотри лучше, – шевелила уже фиолетовой от гнева полоской губ госпожа Неверова, сверля при этом потерпевшую скалу.

В те минуты она ненавидела во всей этой масти больше всего, наверняка, самого «несчастливого», бандитами ограбленного. А ведь она ни на минуту не сомневалась, что дело выгорит, могу поспорить.

И снова вернемся к фактору человеческому: душа, тело и голова. Каким бы слоноподобным не был тот или иной, а если нет в нем того кремня, что делает из массы плотской мужчину настоящего, нет в нем духовного запала, останется он никем и звать его будет «Никак». Кроме шуток.

Глава 3

Общаясь с ребятами, которые ставили кости в этом ДК имени одного из героев революции, я поднабирался уличной грамоте, и даже подтянул в компанию своих: Муху и Санька. Тогда мне было около восемнадцати, и все казалось впереди. И мир у ног твоих. Я жил для жизни... и для нее.

Леночка, я все, что угодно, мог сделать ради нее. Тогда их с матерью бросил отец, но сложно делать семейный анализ, причем чужой. Я знаю одно, без любви жить нельзя, зачахнешь. Ленка вела себя как сомнамбула. В ее душе творился тихий переворот. И надо патологически страдать умственным плоскостопием, чтобы не разглядеть этого.

Я старался все свободное время быть возле нее. Встречал из института. Она пошла по материнским стопам и поступила на финансово-экономический.

Нас собралась довольно отлаженная команда, бригада. Все хотели работы и денег. Мы их кликали «воздух». Типа «воздуха нет, пойдем по барыгам, отработаем». Но не было постоянства.

Уличная конъюнктура каменных джунглей не баловала босоту. Мы были «генералами песчаных карьеров» и «лестничных клеток». Но постепенно приподымались, и впереди маячили кабаки. Среди нас ярко выделялся некто Слива. Он имел бесспорные лидерские задатки. Кстати, впослед-

ствии скурвился. Вот так жизнь прогибает. Так этот Слива произвел фурорчик наших жизней. Он стал лобировать к взрослым дяданам-бандюкам, навел коню, добился для нашей братвы места под солнцем. Началась активная экспансия в мир левого нетрудового дохода. Хотя насчет нетрудового, я бы мог поспорить. Мы стали работать и отбашлять некому Перику, из взрослых, за крышу.

Получали на рынке со зверей, которые торговали фруктами. Брели лаве с тех, кто разгружал черным фуры. И бомбили лохов-спекулянтов. Постперестроечное время. Страна уверенно шагала семимильными шагами в авангарде рыночных реформ и преобразований. Разгул бандитизма и беззакония. Вот тогда я и попал в струю, может не в ту, что надо, но, во всяком случае, в ту, что хотел. Прошли времена честных уличных баталий, где бились стенками на стенку, пуская в ход, как кулаки, так и колы, цепи, нунчаки. Бейсбольных бит в то время еще не было. Но зато был кодекс чести. Редко, кто добивал лежащего. Это было западло. Такие мерзавцы наказывались.

Я почти не застал, но видел, ходил на пустырь за гаражами, наблюдал с восторгом голливудского фаната за сечью взрослых парней. Тогда враждовали районами и даже «филиалами» – трамвайными остановками. К примеру, конфронтавали площадка «А» и площадка «Б». И не дай Бог попасть одному в район оппозиции. Домой в лучшем случае доползешь. Потом как-то это все отошло на задний план,

и было предано забвению. Скорее всего, это было неизбежно. Уличные реформы, и такие существуют. Не то чтобы все стали вдруг пацифистами. Тут скорее уже финансовая подоплека.

Вообще все подобные поэтапно-эволюционные ступени городской бытности – явление социальное, нежели маргинальное. Они приходят и уходят, но оставляют шрамы. Правильнее будет сказать, они, эти явления, просто взрослеют, трансформируются, развиваются, переходя на новый более цивилизованный, но не менее жестокий, рубеж. Но все же перипетии уличных разборок цеплялись о мою скромную персону время от времени. Мне было страшно, но я не пасовал. Особенно после одного случая.

Мы лоханулись, я и Санек. На нас наехали двое, ну, чуть старше, чем тогда были мы. А мы офоршмачились. С Шурика сняли шапку, знаете, вязанную такую, а с меня котлы. Эти часы мне бабушка дарила, а я растерялся и не отстоял подарок дорогого мне человека. Прости меня, бабуля. Меня до сих пор, как это вспоминаю, такая жаба душит, так я в эти минуты себя ненавижу. Пасанули мы, а могли вступить в дерби. Ну, получили бы по соплям, а быть может и они. После этого во мне что-то перевернулось, и я стал закалять волю и дух.

Именно слабость сего тандема тогда подвела и меня, и Санька. И мы поклялись не в слух, а каждый про себя. Я точно знаю, Шурик тоже поклялся, что больше не в жизнь

не паснем перед трудностями. Звучит несколько высокопарно, и может не совсем так. Я, по крайней мере, клялся, но типа того. В последствии я не разу не проводил параллели между клятвой и ее исполнением, не проведу и сейчас. Но скажу одно. Когда у меня начинается размыв воли, подгибаются колени, и я начинаю садиться на измену, я вспоминаю этот случай, и выхваченное из памяти помогает мне собраться и, распрямив ноги, встретить источник мондрожа, глядя ему в глаза.

Вообще, это верно, что на ошибках учатся. И еще практика выживания в джунглях – вот, что поистине закаляет. «То, что нас не убивает, только закаляет нас», – попытайся думать так, когда страшно, и станет легче. Представляй почаще, если Господь не обделил тебя воображением, как будет относиться к тебе твой сын, когда узнает, что папа-то лох, по большому счету. Это дикая травма маленькой детской души. И как ты будешь накладывать на его чистый лист те духовные катехизисы, которые сам не прошел. Это будет ложь. А она станет когда-нибудь явью. И если все это сумеешь собрать, осмыслить, победить, будет все о'кей. Хотя я не особо люблю английские словечки и все такое. Честно, клянусь дрожжами.

Однажды я возвращался домой. Шел через парк и был один. Я находился слегка под шафе и заглянул в ларек прихватить пивка. Немного, но бутылочка была бы в самый раз. Я, знаете ли, люблю после обильной пьянки, идя не спеша

домой, полирнуть весь этот блевантин внутри себя пивасиком. Даже знаю, кто-то узнал себя. Это многих ипостась, так устроены. И тут на встречу вывалилась толпа, не кислая шара, надо отметить. Было понятно, что вся кодла по мою душу. Народ требовал хлеба и зрелищ.

Ненавижу, когда вот так идешь, тебе так классно, в голове кайф, в руке пиво, а тут эти томагавки беспредельные. Нет, честно, от подобного у меня кишки переворачивает. Я в карман – пера нет. Как назло. Всегда ношу, а тут как на грех, в старых джинсах оставил. Руку в куртку запустил. И соли нет. Знаете, соль – это круто. Зацепишь щепотку или лучше горсть и в рыло. Этот редиска от мороженый, что кот наскипидаренный, вертится и блажит. Котов я не тиранию, просто видел. Не финки тебе, не соли. Вот, думаю, засада. Их, наверное, миллион, а я один. Разбить бутылку и сделать розочку? Что ж, мысль толковая.

Я вспомнил наставление одного из старших. Определи из всей ботвы лидера. Потяни для этого время, не лезь в бутылку сразу, поиграй демона самозабвенно. Покривляйся, мол, междуешься. Скажи, что все отдашь, ну, в таком русле. А сам следи, кто больше всех в пикировке словесной участвует, кто мазу держит и решает за всех судьбу твою. Как следует, прицелься, но обязательно как следует, чтобы наверняка. И руби его. Всеки в салазки так, чтобы он в воздухе переобулся, и постарайся тут же выхлестнуть еще кого-нибудь. Пусть не на глушняк даже, но зацепи. Во многом это решает

исход всего дерби. Стадо ретируется, столкнувшись с незапрограммированным сопротивлением и лишившись своего вожака. По крайней мере, это действительно на восемьдесят процентов, если взять за эквивалент – сто. Во всяком случае, и они понесут урон. Перманентного подмоложения не выйдет. Не веришь, читатель, попробуй при случае.

Как пел Владимир Семенович: «Ударил первым я тогда, так было надо». Вычислить из всех хануриков лидера, было достаточно просто. Он больше других садил свои говьяжи понты. Но меня-то на понт... держи карман шире. Я поставил все свои фишки на 100 красное. Ну, дал я тогда стране угля, мелкого, но до х..., много. Из эквивалента в сто, я выбил все проценты. Бутылка местного пива оказалась весьма кстати и послужила добрым аргументом.

Я боялся одного, не попаду или попаду, но не с должной силой, и тогда действительно – «попаду», встряну по самые помидоры. Почти без замаха, я обрушил бутылку из темного стекла на отморозенную голову баклана. Я-то видел, что у него и без того флягу рвет, больной во всю голову, раз на беспредел поставил. Короче, без царя в голове, но со своим наместником. Батька Махно затесался в его мозговых магистралях.

Ах! Как замечательно разлетелись коричневые стекла и брызги пива. Ему впору тогда было делать укладку волос, ведь пиво фиксирует и неплохо. Ленка говорила. Только так с подонками, метать бисер перед свиньями занятие,

как известно, неблагодарное. Осколки осыпались, как метеориты, или звездный дождь. Почему-то мне тогда так показалось и все в покадровом воспроизведении. Я даже видел, как некоторые стекляшки заскочили ему за шиворот, наверное, левое ощущение. А вот именно так я думал тогда меньше всего.

Второго я зацепить не успел, точнее, протормозил как-то, и лениво стало. Бандерлог рухнул на асфальтовую дорожку, падая, он догнал, ударившись виском о паребрик. Знаете, такой потрепанный временем паребрик с выступающими в неправильной архитектурной композиции во все стороны камнями, львиная часть бетона выкрошилась.

Боже! Я думал, – убил. Его тело было, как мешок, все лицо залито кровью, текло с головы, куртка-ветровка медленно, но стабильно принимала краплавый тон. Потом он, и это самое жуткое, ненавижу такое, забился в конвульсии. Я чертовски перепугался и, наверное, оттого с розой в руке стал надвигаться на толпу.

– Пошинкую! Черти заповедные, – зашипел я. – Иди сюда, дичь! Я погляжу, какого цвета у вас гнилой ливер. Демонюги, бесы, ну давай, стебанемся, я готов... Слышь, ботва, я «эр» не выговариваю, художник неместный, попишу и уеду, – и все такое понесло из меня, прорвало, у меня бывает, если кто перегнет палку. А эти индейцы шнифты на своего подпеска пилят, а он нижний брейк исполняет. Мышь глумленая, как будто ему в зад всадили паяльник в поисках

канифоли, а на грудь нежно положили включенный утюг.

– Ты же замочил его?! – застонал вдруг один из пехоты. – Пацаны, он отмороженный, мы его после вычислим.

И давай к своему «хатхи» подгрести, а сами, гляжу, на измене лютой. И это они мне, пингвины теплотрасные, говорят, что отморозок, во, умора! Правда, у меня мандраж прошел, стало легко. Сам бросил взгляд на это около бордюрное туловище. Смотрю, вроде задышал ровнее, а кровища черными ручьями, что Ниагара, так и поливает. «Тятя, тятя, наши сети притащили мертвеца».

– Слышь, – сказал я им. – Опарыши! Вы своему папуасу лепилу покличьте, а то лапы склеит.

После я ушел, а, зайдя за угол дома, даже пробежался, ну его к лешему, контора наедет, встрянешь. Эти пинкертонеры исповедь слушать не обучены, упакует, хоть ты и не при делах. Но тогда я отскочил удачно, а могли просто даже шапками закидать, будь душой покрепче.

Вот когда братва на братву, это да, серьезная сеча. Измену ловишь перед баталией, надо отметить, что куришь одну за одной. Колени трясутся, по спине холодок. Думаешь, сейчас огребуть, и еще думаешь, почему другие чувствуют себя нормально, а ты... да тебя всего колотит, как в лихорадке. Все себя чувствуют почти одинаково и почти все думают, как я. А когда это понимаешь, пытаешься шутить, разрядить обстановку. Это, правда, мало помогает, но выглядишь молодцом, эдакий отважный поцык, не пасующий перед лицом

опасности. Подтягиваются враги.

Идешь, стенка на стенку, сердце колотится, словно мощный мотор, приводящий в движение насос, который впрыскивает по венам порции адреналина. Вот-вот выскочит, проломит грудную клетку и выпрыгнет, упадет кусочком алого батиста к ногам, испачкается в пыли, и будет некоторое время поддегиваться.

Начинается бойня, и ты вонзаешься туда, где мелькают кулаки, свистят, разрезая воздух, нунчаки, биты рушатся на голову, плечи, но это уже становится неважно. Тебе попали, как следует всекли и уже не маслает мотор в бешеном ритме, не подкашиваются ноги в коленных суставах, все уже ровно, планка упала, и ты весь в этом проклятом дерби, среди каменных пальм, каменных джунглей. Страх отступил, ты перешел в следующий уровень. Истинно говорил стратег – «Главное ввязаться в бой». А следующий раз все сначала.

Подобные переходящие в битву стрелки возникали по роду моей деятельности части. То отработали по барыгам на чужом месте, то в кабаке кто-то рамсанул, а на стрелу вся братва подтягивается искать справедливости. Нет, другое дело, если вась на вась инцидент. Какой базар, сами стебанулись, сами разошлись краями, а кто не захотел признать поражения и компромисса не искал, того баклана по любому серьезные люди в городе не поддержат. Не один разводящий не полезет в такой замес. Но справедливости ради надо отметить, появляются редкие антиквары, что качают на ров-

ном месте. С таких получать надо и на место ставить.

Как-то мне отзвонил Муха, предложил оттянуться вечером в родном кабаке «Маяк». Он располагался у речного вокзала и своей архитектурой действительно оправдывал название. Тогда наша бригадка работала по колпакам.

Глава 4. Желтый Жигули и Ленусик-Пиккенесик

Есть такой лохотрон, точнее раньше был. Ох, и разводили мы лохов, как после, вся вечно похмельная и обворованная, Россия разводила спирт с музыкальным прозвищем «Рояль»

Поначалу это были наперстки и крошечный шарик. Но я особо этого не застал. Люди стали осторожнее, переставали вестись. А как появились крупных размеров колпачки и огромный шарик, тогда наплыв лохов самозабвенных снова хлынул к станкам, раскинутым в местах людского оживления. Особенно реально стригли лаве с крестьян-паломников. У нас тогда станок был на автовокзале, ай да кушевое место. Колхозаны расчехляются – тушите свет. Нижний аж парился, столько было работы. Нижним назывался тот, кто работал непосредственно с колпаками в станке.

На широкой картонке лавировали пластиковые стаканчики, под ними – поролоновый шарик, обожженный по кругу. Он напоминал картошку, так его и окрестили.

На верху помогали нижнему двое-трое, якобы из посторонних обывателей. Гнали обезьяну. Особенно каналю, если в бригаде работал «батя». Этакый мужичек, играл за колхозника и непременно выигрывал, радуясь сламу, как ребенок новой игрушке. Обычно этот дяхан был из хозяйских, то есть

чались. Срок тянул у хозяина на зоне. Посудите сами, возьмите в пример, ну хоть гипотетически, повелся бы ваш отец на подобную авантюру. Лично мой – не в жизнь! Он бы лучше удавился. А те-то кенты матерые, не приученную зарплату у станка зарабатывать. Но, короче говоря, хавали эту тему фраера ушастые, черти заповедные, и отдавали последнее.

Иным давали на первый раз выиграть, если видели, что лох кушевой, в лапотнике сармака немерено, буренку продал и в город за серьезными затарками. Для этого еще необходимо быть неплохим психологом. Когда сверху кто-либо вычислял денежного, невзначай говорил об этом нижнему условной фразой, и тот давал лоху поднять банк. После последний входил в кураж и засаживал всю буренку вместе с выменем, ливером, рогами и копытами. Если впадал в кипеш, то его либо превентивно успокаивали, проведя беседу с пристрастием, либо сами ретировались до поры, пока время не обуздает накал страстей.

Если же у нижнего заканчивались деньги, хоть они и ходили по кругу, все же подобное случалось, он также производил заветную фразу. Например, «по промчику отработаем». Люди, работающие с ним, понимали и давали ему выиграть у себя же.

В местах особо вероятного появления сотрудников милиции, также ставились пацаны. В случае появления на горизонте нежелательных персон «нон грата», они громко, как будто зовут приятеля, кричали: «Вася, Вася». Все понима-

ли и сворачивали игру. Кто играл, знает. «Вот Красноярский край, а это Краснодарский. Кручу, верчу, запутать всех хочу. Кто узнает, где шарик, тот получит гонорарик. Играю на золото, бриллианты, сбегайтесь спекулянты. Если нету денег, привяжите к жопе веник. Он наметет вам много денег. Вот Паша, вот Саша, а вот (по середине с картошкой) беременная Маша. Кручу, верчу... Тут пусто, и здесь пусто, а здесь корейская капуста» и т. п. Нарядный разводящий фольклор.

Если бы вы знали, нет, честно, сколько у нас, восемнадцати летних пацанов, было тогда «воздуха». У меня ежедневно от двух до пяти «кать» (соток) выползало, при более удачном раскладе – наплыв паломников – до тысячи. Это, когда мой отец, работая на Севере, привозил по пятьсот-шестьсот рублей в месяц. И при том не уставал говорить мне, просто умора, когда я устраюсь на работу. Нет, клянусь дрожжами. У меня от этой мути кишки все переворачивало и за ушами чесалось. Вечный конфликт отцов и детей.

Я часто завидовал тем ребятам, у которых дружеские отношения с отцами. У меня аж слезы наворачивались, честно! Как-то я купил ему подарок на его день рождения, и мне посоветовали присовокупить к нему открытку. Сейчас уже не помню, кто мне подсказал подобное.

– Нет! – решительно ответил я. – Открытки я не вынесу. Это слишком сентиментально для вечного сезона засухи в джунглях наших с ним отношений.

Я даже не уловил ту грань, которая послужила переходом

одного из нас на другую сторону баррикады. Но точно знаю, грань была, и кто-то ее переступил. Не хочу выгораживать свою персону. Но он, знаю наверняка, упустил время, не поймал момента. Ведь очень важно во взаимоотношениях удерживать позитив на переломных рубежах. Ведь я отлично помню, как ездил с ним на юг в Батуми, отдыхал на море после первого класса, а еще раньше мы все вместе катались в Алма-Ата! Я, мама и отец. До чертика, раз он брал меня на рыбалку и на охоту. Мы, наверное, были дружны, но я отчего-то постоянно стеснялся его, не мог излить душу. Между нами существовала дистанция, он ее не позволял сокращать. Сам не шел со мной на откровения, даже не матерился при мне. Это скверно, точно вам говорю.

Отец и сын, это должно быть одно целое. Сын должен скушать по отцу, и когда что-то наболело или проблема, он обязательно приходит и делится этим в первую очередь со своим родителем, а не с улицей. Вот тогда...

Словом, у меня не было того человека, с которым бы я мог обсудить свой первый сексуальный опыт. Вы понимаете, о чем я?! Снова на «вы». Я говорил о многом со своей бабушкой, той, что подарила мне часы, но, ведь совершенно понятно, не обо всем можно поведать ей. Вот если бы отцу, то другое дело. Но у меня не было такого отца.

Потом, когда мне было уже 8 лет, у меня родилась сестра Таня. Нет, я абсолютно не ревную, ведь я не испытывал ярко выраженной любви к себе со стороны отца. Но не лишено ве-

роятности и то, что появление ее еще больше отдалило нас. Он до сих пор относится к ней лояльно, и порой не скрывает лирического настроения. А на мне клише того, не особо желанного. Я не мог понять сей причины.

Впоследствии он стал конкретный сноб. Его снобизмом пропиталась вся наша квартира, и маразм. Да, он тоже имел свое место, а его адиафра по отношению ко мне не угасала, а лишь из углей превращалось в пламя, или здесь более грамотно было бы сказать с точностью да наоборот. Дифирамбы в адрес сестры и постоянное нудение, лоббированное к моей скромной персоне нон грата. Это как звук бор машинки. К нему тяжело привыкнуть.

Однажды, когда отец был на вахте, я угнал из гаража нашу машину Жигули «копейку». Все ребята, как достигали определенного возрастного ценза, поступали именно так. Соблазн велик, особенно в те 1988—1989-е годы, заехать с шиком во двор техникума на авто, это круто. Галимый эпатаж, но зато девки визжат, а ты крутишь руль и куришь, как взрослый. Ну, в общем, ему меня кто-то сдал с потрохами. Я уже спал тогда, как сейчас помню, он накидался водки или еще там чего и зашел ко мне в комнату. Я, конечно, почувствовал, проснулся, но делал вид, что сплю. Думал, это дело на тормозах спустит. Но не тут-то было. Он даже не поинтересовался, сплю ли я или нет. Он не дал мне встать и стал окучивать, как умел.

Бил руками по всем местам и даже по голове. Ситуация,

по крайней мере, для меня достигла наивысшей точки эскалации. Бил по голове, не дав даже подняться, за кусок железа, который совсем не пострадал и мирно стоял в гараже, будь он проклят этот кусок.

Мать прибежала и оттащила его. Я так и не вставал, и тихо проревел, наверное, часов до двух ночи. Потом еще долго этот поганый «ежик» стоял у моего горла, может, чуть ниже кадыка. Это тот самый ком, защитный рефлекс от несправедливости, хотя защищает ли он? Защищаться необходимо самому.

С другой стороны, когда меня в 1995 году закрыли, и я находился на ИВС (изолятор временного содержания), еще раньше его кличали КПЗ. Можно подумать, что от рокировки или полной перемены аббревиатуры, содержание в камерах стало более соответствовать санитарным нормам, или количество подозреваемых уменьшилось. Ну, в общем, мусора, сфабриковали дело, и терпила – баба ослица, на очной ставке опознала именно меня. Ее два демона изнасиловали и цапки рыжие сняли. А, покопавшись в компьютерном архиве, видно, она нашла в моей физиономии некоторое, а быть, может и поразительное, сходство со злодеем на сильником.

Как я прибыл, сам по звонку, она меня разглядела видно и кричит ментам, что не он. А эти опричники Фемиды давай ее лечить и обрабатывать. Ты, мол, на него укажи в любом случае, он все равно «плохой». Плохой – во загнули, а мы, го-

ворят, тебе, если что, за дачу ложных не предъявим. Ну, опознала меня, дичь, с мусорской постановы. Не в том суть, через несколько суток меня освободили под подписку о невыезде. А суетился больше всех других отец. Нанял адвоката, оплатил его, а мама говорила мне потом, что он ночами молился в тайне и свечи ставил, шептал перед иконами. Дома у нас есть еще от бабушек.

Вот так вот, парадокс! Не могу объяснить, ну а после всего отношения у нас совсем сошли на ноль. Зеро – знаете, как в казино. Не в ту сторону рулетку крупье завернул. Даже не здороваемся, как в разных измерениях. Он и к сыну-то моему как-то прохладно относится, а он, роднуля мой сына, очень на меня похож. Точно меня повторяет. Его даже мои тетки Ванькой, как меня, называют, а он Егорушка!

* * *

– Поехали, – говорит мне Муха, – вечерком в «Маяк».

У него что-то с подругой не заладилось, он и решил залить это, утопить все в стакане. Хотя должен отметить, это наоборот обостряет. Ты начинаешь ей звонить, выясниловку раскачивать, кипеш из этого только выходит, и все еще больше на ножи становится. Но я Муху отговаривать не стал. Сам такой, уж если вобьешь что себе в голову, мама не горюй. Да и с кем, как не с лучшим другом об этом пошептаться. Договорились словиться у Маяка часов в восемь. К тому времени

я купил себе Жигули «семерку».

Представляете, 18 лет, а у меня своя лайба. Аж дух захватывала, красная цветом с люком, тонировкой на прибрандиченный манер. Я ее лелеял. Заказал кожаные чехлы, поставил магнитолу «Пионер», четырехполосые колонки той же фирмы. Конкретно, нафокстроченная тачила. Боже, как ее Ленка любила, я даже ревновал. И другим девчушкам она нравилась, в смысле, машина. Своя машина и не надо угонять из отцовского гаража эту консервную банку желтого цвета. Во, бред, желтого цвета. Это ни в какие ворота не помещается. То ли дело – моя, красненькая. Уважаю этот цвет, он придает почти любой машине стремительный антураж, ну, может, за исключением Волги.

Воображаю себе, пошлятина. Наверное, любой колорист, пришедший к подобному решению окрасить Волгу в красный, вплотную приблизился к жизненному тупику. Как говаривал синьор Робинзон «Земную жизнь, пройдя до половины, я очутился в сумрачном лесу». Красная Волга, это все равно, что негр – Дед Мороз.

Ровно в восемь моя ласточка уткнулась бампером в паребрик, правее самого кабака метров в сто. Приблизиться к входу не представлялось возможным. «Что за черт?» – подумал тогда я. У центрального входа хаотично дефилировали, по меньшей мере, десятка полтора милиционеров, включая в себя пасмурные монументы омоновцев. Эдаким барельефом смотрелись последние на фоне «Маяка». Я насторо-

жился, как-то сразу вкурил, что сегодня, по крайней мере, в этом проторенном заведении, нам с Мухой не обломится.

Закурив, я продолжал наблюдать за входом, пытаюсь вектором взгляда выхватить знакомые силуэты, ну, или хоть один. Не заметил, как к машине с другой стороны подошел Муха с пацаненком из левобережной бригады. Малый, такое погоняло было у него, потянул за ручку, дверь не послушалась, а я вздрогнул и, увидев знакомые морды лиц, поднял фишку вверх.

– Не межуйся, свои, – бросил Малый, как только открыл дверь, потом протянул руку и сказал «привет». Следом за ним поздоровался Муха.

– Здорово, братан, – в своей манере. – Видишь, кипешнулся в баре стол.

– А что, какие дела, красные приемку устроили? – спросил я.

– Угадал, – вступил в полемику снова Малый. – Пацанов упаковали, кто-то цинканул в контору из администрации «Маяка».

– А что вышло-то? – повторил я.

– Там к пацанам хозным кенты из Одессы заехали. Они с ними на гастрольном туре словились, работали по колпакам вместе да хрусты ломали. Вот и пригласили погостить. Один из гастробайтеров «Дуст» одесский ваксы перебрал, и рамс качнул, ну, беспонтово, на ровном месте, баклан. С ним Егорка Шотландец стебанулся, он-то правильный па-

цан, за справедливость. Ну и надел на перо этого Дуста.

– А Дуст, что, погоняло, или ты так? – снова интересуюсь я, собираю картинку события.

– Реально так кличут.

– Тараканов что ли травит?

– Вот и Егор ему так сказал. Короче, краями не разошлись. Ну, Егор сорвался. Он у нас на хате, я его отвез. – Маленький рассказывал достаточно оживленно, сопровождая повествование не произвольной пантомимой, с темпераментом холерика.

Что же касается того, кого звали Егор Шотландец, могу сказать одно, пацан авторитетный, бывший боксер, но с головой все в порядке. Он с Ленькой Малецким и другими ребятами на Ленинском работал по отъему, и на автовокзале по соседству с нами у них станок был. С ними еще «трудо-вские» работали. Улица Труда есть у нас такая. Тогда я еще не знал, что напишу о нем в перспективе книгу. Много, а может и не совсем, это для кого как. Позже их бригада солидно укрепилась в городе, взяли под контроль многие лакомые куски пост перестроечного пирога.

Работал Егор тесно с вором в законе Филатычем. Я о нем слышал. Серьезный жульман. А Ленька, сламщик Шотландца, погиб где-то под Амстердамом. Результат около криминальных интриг.

Их ОПГ совершила активную экспансию в первопрестольную, эдакий блиц криг. У них даже был карт-бланш на мно-

гие незаконные операции. Егора короновали на законника.

Вот с каким человеком мне приходилось общаться. Он даже стал моим своеобразным пропуском в жизнь. Я с ним словился позже на зоне. Но о лагерных перипетиях не сейчас.

В тот вечер мы с Мухой все же накидались. Пили по босячки в гараже. Включили Шуфика, тогда он еще не скурвился и пел, даже, наверное, неплохо, хоть сам ни черта не смыслил в той жизни, о которой пел. Наверное, после первой пол литры Муха наклонился к моему уху, и так по-заговорщицки с интригой в мутных глазах прошептал:

– Есть, брат, хата. Ювелир один там кости бросил. Мне на нее наколку дали верную. Баблом фраер заряжен, что Брежнев орденами.

– А при каких тут Генсек, он же помер?

– Да так, для образного сравнения, – ответил мне Муха. – Он, этот фуцин, в «Прогрессе» работает.

Это ювелирная мастерская такая, котируется в городе, не в пример другим. Муха продолжал:

– Короче, Денис (так меня кличут от фамилии), там лаве, цацки, рыжего лома немерено, даже брюлики.

– Это тебе кто расклад такой подробный метнул, сексот обэхэссный, – прикололся я. Но он был, кажется, сама серьезность. Посмотрел мне прямо в глаза и добавил:

– Мне филки нужны, Ванька, как воздух. Много надо! Хочу своей машину купить и на Мальдивы с ней скататься.

Да, любил он свою, кстати, тоже Ленкой его пассию зва-

ли. Тогда я его понял, и подписался на авантюру. Кстати, и мне бы лишние деньги не помешали. Мы с моей Леночкой решили пожениться, так что, сами понимаете, не маленькие.

Весь slam с обнесенной хаты перевозить решили из гаража в съемную Мухину комнату. Он снимал ее для общения со своим Ленусиком. Так он ласково называл ее, как-то по-собачьи. Мне она всегда не особо импонировала. Кошелка с амбициями и мелированной ботвой. Вторая комната в квартире была наглухо заколочена. Там тесно покоилась утварь хозяйки, которая выехала в Талин. Словом, никто не мешал. Хавира грамотная, не запаленная. Муха рассказал своей пассии, что уезжает на пару дней в командировку недалеко, под Новосибирск.

– Она у меня правильная, не должна знать, чем мы занимаемся, – говорил тогда Муха. Он и сам еще не дыбал, влюбленная голова, чем она занимается.

Когда он уезжал, Лена не приходила на квартиру... одна, но ключи у нее были. После делюги мы перевезли трофеи в мой гараж. Но необходимы было их переправлять, так как мой папахен обещался посетить любимое заведение через день.

– Сейчас там тихо, – шептал Муха. – Свезем, и в порядке все будет. Ты, кстати, как, планы какие после всего.

– А какие планы, уже поздно, домой, отосплюсь.

– Я тогда к Ленке, соскучился. Она, небось, уже спит, но я разбуду, рада будет. Я точно знаю.

Я тогда промолчал, закурил новую сигарету и повернул машину в знакомый двор. Пока муха копошился в багажнике, я, взяв ключи, пошел первым, в руках у меня была упаковка со стереосистемой, совершенно конолевой, «Голд Стар» – корейская золотая звезда. Подойдя к оббитой сухим рейками двери, поставил коробку и вошел ключом во влагляще замка. Ключу стало хорошо, он бесшумно совершил поворот, поставив подругу в другую позицию, и калитка распахнулась, обнажая передо мной вечернее «бунгало».

Первое, что я услышал, это булькающая мелодия «Энигмы». Она была не навязчива и сочилась именно из той комнаты, что снимал муха для связи с Ленусиком. Лунный свет из кухонного окна, лишённого штор, осветил мне прихожую. На полу хаотично валялась пара женских туфель... и... и мужских тоже. Последние стояли более интеллигентно, но имели оббитые носки и слегка стоптанные задники. Стремные колеса, одним словом.

Не закрывая за собой двери, я пошел по цепочке вещдоков. Следующая была кофточка. Я помню, ее Муха покупал у одного барыги, тот привез ее из Италии, ну, или из Турции. «Ленка будет визжать», – вынес вердикт Муха. Но пока визгов я не слышал. Следом после итальянской кофты небрежно, так рисуют картографы жирные реки на географических атласах, растянулись хипповатые джинсы. Колготки, юбочка, о! ... бюста... лифчик, плапочки.

Я поднял голову, сам уже стоял на пороге комнаты и от-

крытия. Передо мной раскинулась тахта. Мелированный клубок, похожий на японского хина или Пиккенеса, нервно подпрыгивал в волосатой промежности студента-мачо. Тот с каллигуальной миной прищурил глаза, и время от времени поглаживал свою наложницу по «пикенесу». Оральный секс Ленусик-пиккинесик, надо отметить, делала самозабвенно. «Интересно, – подумал я. – А Мухи она тоже так истерично исполняет арии на кожаной флейте». За спиной появился он.

– Это, что... она? – несколько неуверенно с хрипотцой спросил Муха, роняя на пол картонную коробку, полную денег. Деньги были для нее.

Падение заставило совокупаторов покинуть астрал. Мачо расклеил веки, умилительную геометрию лица сменил скованный ужас. Мелированный шар вздрогнул и оторвался от кормушки. Ленусик обернулась, скользкий и напуганный фаллос-имплантант поспешил покинуть ее бесцветный от трения рот. Глаза у нее стали круглые и светились в темноте, как та луна-фонарь в облезлом окне, синтез отчаяния и конкретной непонятки застыл в них. Такие глаза бывают еще после принятия легких драгс.

Муха зажег свет. Он думал тем, что ниже диафрагмы. Его торкнуло и вот-вот должно было расколбасить. На стене с пошарпанными обоями, как горчичник на сгоревшей на солнце и уже облазивающей спине, болтался глянцевый плейбоевский постер с Мальдивами и сочными девицами. Мухин заменитель, экс-е... на момент отъездов, вдруг вскочил с на-

леженной тахты и бросился к своим веселым трусам. Муха рванул вперед, я ему не мешал, и с ноги всек своему Ленусику в те самые шлепанцы орально-сосущие. Я же слева успокоил самца студента. Он рухнул на пол рядом со своим кричащим исподнем, а потом, закатившись под тахту, засопел и потух. Муха с остервенением окучивал лярву-минетчицу. Но я ему не мешал, клянусь дрожжами, а только еще разок бросил взгляд на Мальдивы и вышел на лестничную площадку.

«Сейчас бы водки, ну, пива, кислого пива». Усевшись на бетонные ступеньки, я закурил. «А ведь Муха пошел на это ради этой вафельницы. И чуть не подставились».

«Она небось уже спит, но я разбужу, рада будет, я точно знаю». Я снова, как тогда, закурил новую сигарету и вспомнил, как мы обнесли ювелира.

Глава 5. Сиамские братья

Хавира этого фуцина алмазного оказалась матерой, на сигнашке, впрочем мы предвидели. На нее Мухе дали наколку верную. Хозяин со всей семьей отбыл на Кавказ в заслуженный отпуск. Тема была прозондирована.

– Не кексуй, Муха, – сказал я. – Возьмем через балкон, опыт есть.

Плюрализма мнений по этому поводу у нас тогда не возникло. Наколка на хату была в тот кон действительно грамотная. Балкон кушевого фраера вплотную примыкал к балкону семейства дачников-огородников. И вторые в свою очередь прозябали все лето на своем «фазендхаусе».

– Раз плюнуть, – вынес свой короткий вердикт Мишаня. – Дверь лоховская, квартира, по ходу, ни хуя не упакована.

– Ага, сейчас, там одних огородных джунглей, мама не горюй.

– В жопу зелень, работаем, – цинканул сквозь зуб Муха и зазвенел набором отмычек.

Еще в прошлом году Муха загнал слесарям на завод ящик алкоголя за сей незатейливый домашний комплект. Я встал у лифта, с этой точки весь подъезд отлично просматривался, да и прослушивался тоже. Наша слаженная корпоративность была достойна голливудскому сюжету, ... быть может. Действовали конкретно, без кипеша, понимая друг

друга на языке флюидов. Дверь дачников уныло скрипнула, и Муха, пошло не вытря ноги, переступил порог. Я тихо проследовал за другом, и в отличие от него был более осторожным.

Только я затворил чахлую дверь, оббитую снаружи гробовой рейкой, а изнутри обтянутой истеричным дерматином, понял, что сейчас исполнится что-то громкое. В норе мичуринских фанатов было темно, как. ... Нет, у негра в жопе я не бывал, как многие. Скорее бы я сравнил это с бабкиным чуланом или погребом, а еще так темно и безысходно, когда закрываешь пьяные в хлам глаза. Под ними скрипит и щиплет и ничего не видно, только спотыкаешься о синие хаосные параноидальные мысли.

Стены коридора как раз напоминали головные извилины многодневного пьющего человека, трансформировавшегося на часть в животного. На ощупь я определил болтающийся велосипед, ... лыжи и, наверное, палки от них... Трудно сказать точнее, быть может шест для исполнения стриптиза. Эти дачники вообще народ загадочный.

Помню, укатал на близость одну ботаничку. Все литературу читала, гербарии сушила, очки носила в роговой оправе, даже ходила как икибана. А как распоясалась, дорвалась до моего бесплатного тела, нашла, что мой член вовсе не сухой и сам я не деревянный. Так, давай открываться с особым цинизмом. Такое превращение я и в кино не видел. Кто бы подумал, что это милое создание с линзами на пешках испол-

няет такой чудный оральный секс. У меня аж ногти на ногах сворачивались, а после анальный, и все с криками и воплями, по ковбойски, сверху, снизу, раком, боком, что необузданная кобылица. Дошло бы и до «садомазо», но я в тот момент уже умер. А как вернулся в бранный мир, наверное, лет через десять, то первое, что увидел, это гимназистку нежно по-кошачьи играющую с моим мужским началом...

Наверное, и на стене были не лыжные палки. Когда глаза пообвыклись, я выхватил адаптированным взглядом все там же на стене коридора, вы не поверите, автомобильный багажник, что приклеивают на крышу. А на нем... кошмар! Я зажмурился, открыл глаза снова и навел резкость. Нет меня не глючило. Запчасти от мотокультиватора: цепь, ножи, далее литовка без древка и гирлянды чеснока в дамских чулочках. Мне даже стало не по себе. Цитадель форменных садистов сектантов. Епархия извращенцев. Борцы с вампирами. Точно! А вот и кол осиновый сверху на багажнике. Чуть выше, как мило, спиленные с кого-то рога, а, может, хозяин клана скинул на лето, чтобы в ветвях садовых удобнее лавировать.

У Мухи-то зрение слабое, ему тогда повезло больше, он не видел и половины того ужасного дивертсманта на подходе к главному залу ужасов. Но только я подумал об этом, мой тревожный симптом, не заставляя себя ждать, оправдался. Мишаня по слепоте куриной цепанул рукавом какой-то медный таз, так же ранее до того присовокупленный к вы-

носливой стене. Таз, падая, прихватил с собою те самые лыжи, на которых в свое смутное время пересекал австрийскую границу пастор Шлаг. Лыжи потянули велосипед и огородный пульверизатор. Это надо видеть.

Муха, чертыхнувшись, упал на четыре кости и совершил намаз. Сверху его припорошило изобретениями гения человеческого ума..

– Ебать ту Люсю! – выразительно прокомментировал эпизод мой кореш.

Тут же мы замерли, прислушиваясь к ситуации в стране в частности, и обстановке в мире в целом. Я даже некоторое время слышал, как ударно долбится Мухино сердце, заглушая мое. Когда фобия отпустила, я стал извлекать тело друга, стараясь действовать как можно тише и хладнокровнее. В соседней квартире громко щелкнул выключатель. Я вздрогнул и снова уронил на Муху медный таз. Тогда я понял смысл крылатой фразы: «Накрылся медным тазом».

– Е – е – еб, ты что творишь, братан?! – прошипел он.

Мне стало дико смешно, я еле сдерживал себя, чтобы не раскатиться хохотом.

– Что ты прикалываешься? – обиделся Муха.

Когда мы все-таки прошли первый уровень, то бишь этот гребаный огородный коридор, то очутились в длинном зале. Пересекли его без происшествий и трагических случайностей. Вышли на балкон. Я бдительно огляделся, вроде чисто. Перелезть на плацдарм антиквара так же не составило труда.

– А теперь осторожно, лишний движняк, и сигнашка мусорят покличет, – говорил я себе и поддельнику.

– Не гони, исполним без шороху, – успокоил Муха, и достал отличный алмазный стеклорез.

Приклеив к окну две присоски, я аккуратно очертил ровный круг. Стеклорез был профессиональный и позволял делать подобное. Нежно отстучав места соприкосновения уже обрезанного стекла, Мишаня потянул на себя. Повторили со вторым стеклом.

– Ништяк! Красавцы! – похвалил снова обоих я, и первым проник в квартиру.

Для верности в месте соприкосновения магнитиков сигнализационного оборудования я прилепил еще один мощный магнит. Муха покрупнее, вдруг качнет не по детски дверь, и полосы разойдутся, активируя сигнал на пост ОВО. Береженного Бог бережет.

Глаза уже привыкли основательно, но все же пришлось включить воровской фонарик. Он не напрягал и был отличным лишним глазом.

– Это мы удачно зашли, – процитировал Милославского Муха.

– Да, славная будет охота.

И снова действовали автономно, без лишних слов распределяя обязанности. Муха отодвинул солидную коллекцию книг и тут же присвистнул, достав коробку из-под женских сапог.

– Реально, братишка, сармака-то немерено у этого фуци-на. За такой слам и на крытку не запаadlo.

– Сплюнь, а то схаваешь, под делюгу не каркай, – осадил я Мухин неумный темперамент.

Но баксов было действительно солидно. Пацаненок, давший наколку, не зафармазонил, верняк, и всего-то за баян (шприц) черняшки. Я тогда подумал, что надо бы отмоксать наводчику премиальных... Да один х.. по вене зарядит... Но в конце концов, это его жизнь. Кому-то синька, кому кокс, иному барбитуру хавать, а кто не мыслит жизни без кислого и ангидрида с ляпом ханки. Не мы такие, жизнь такая. У кого есть дрожжи в голове, вещи исполняет, кому два по кушу – пусть гниет и на судьбу не блажит.

– О! Запали, Денис, этот ювелир совсем ручной. Он, сладкий, по ходу, не обжигался, и цацки на хате держит.

Муха открыл очередную шкатулку. Рыжья в ней было, я вам скажу, и брюлики и иные камни, я не знал тогда, не спец. Но знал, нверное, взяли хавиру без нахватов. Домашний терпила оказался.

– Давай конкретнее, спалимся с твоими восторгами.

– Да не межуйся, Диня.

Муха был явно на Эвересте. Он уже видел себя и Ленусика на Мальдивах, как солнце ласкает продажное тело его пассивности, а голова с мелированными прядями лежит у него на коленях, а не в промежности у папуаса-студента.

Но тут что-то во мне екнуло, я напрягся, как струна, как

сжатая пружина в капкане. Не знаю, как объяснить, шестое или седьмое чувство, что ли. Дверной замок четко лязгнул своими ригелями, потом второй... и третий!

– Муха, щц, щц! – цинканул я.

У нас на столе уже лежала упакованная аппаратура. Светила маза напороться на хозяев. Неужели прервали отдых. Не х.. себе зехера, как раз, когда братва делюгу исполняет. Ни раньше, не позже. Я сквозанул за бархатную партьеру. Муха загасился под тем самым столом, на котором громоздился наш гипотетический слам.

Каково же было мое удивление, когда отогнув бархат, я увидел двух мусоров. «Неужели сигнашка сработала, во, попали». Но труженики Фемиды вели себя достаточно спокойно. Один даже отложил свой табельный АКСУ на кресло и, не зажигая свет, подошел к телефону. Набрав явно знакомую комбинацию, овощник прислонил трубу к ушной раковине. Я вкурил в расклад, когда мент назвал кодовое слово и номер, что-то типа «Ландыш – 48». Мусорята сами ушлые и поганку замутили. В курсе, волки, что антиквар в отлучки и решили нагреть ручонки шаловливые. А что, реально, ключи имеются, шифр знают. Обнесут квартиру фраера ушастого, обставят, как взлом и сами же еще на разбор полетов подтянутся. Мол, шум прошел, что сигнашка сработала, приехали, а тут на тебе, ищи ветра в огороде. А может, и подыщут кого, подкинут хозяйское добро, так по мелочи, а сами... во, дают.

Нет, я понимаю, вор есть вор, за это он и по лезвию брит-

вы ходит и под мусоров попадает, а эти, во гондоны, оборотни, в натуре, не дать, не взять, козлята учатся летать. И мы с Мухой в этот замес угодили. Как вам это?

Ядовитая ирония здесь даже не при чем, печальная необходимость заставляла меня думать так. Ну, дело – дуга, в лучшем случае в «дядин дом» заедем, хотя сотрудники скорее инсценируют сопротивление работникам правоохранительных органов и вальнут на месте... еще есть варианты?.. Вариантов в существующей действительности было не так уж и много.

Справа от меня стояло то самое кресло, видимо, приобретенное антиком по великому благу в престижном мебельном салоне, на которое бесшабашно было брошено табельное оружие – укороченный калаш. Пока я боролся со своей гражданской сознательностью, Муха решил за нас, исполнил вариант вальта, если выразаться каталовской феней. Прогнал обезьяну. Выбрав удобный момент, когда красные домушники отодвинули свои туловища от стола, Мишаня удачно выбрался и явился пред ними, как гриб. Он-то видел, что автомат от меня рукой подать, словом, мысли работали в одинаковом направлении.

Все это живо напоминало театральное чтиво, или импровизацию по ходу, если хотите. Вот он, мол, я, их бин хозяин хаты или приближенный к его левой пятке, а вы какого х... рога замочили в мое бунгало... Сиюминутный кредит доверия, во всяком случае это должно было вызвать, осталь-

ное зависело от меня и от тетушки Фортуны Афанасьевны. «Микс-файт» – бои без правил начались. А какие, собственно, могут быть критерии, если столкнулись в подобной оказии люди, стоящие по абсолютно разные стороны баррикады. Мусорилы-оборотни, а двуличие – это уже само по себе не нарядно, и парни с городского дна. Привалирующий вид прослойки второй никогда не смиксуется с первой. Прав был Мао, когда изрек: «Мало войти, надо еще и выйти».

Ну тут Муха выдал, сам по ходу не ожидал от себя, «конъюнктура ситуации» и все такое. «Башкиры» (милиционеры) вздрогнули тандемом и бережно обернулись. Честное слово, меня аж чуть не прорвало, во, прикол. И к чему он эту цитату плюхнул.

– История, леденящая кровь, под маской овцы скрывался волк!

Ну, Шекспир, ей Богу. Еще бы ляпнул «Быть или не быть», умора. Наверное, в тот момент пошатнулся дворец правосудия в центре страны. Ситуация достигла наивысшей точки эскалации, пока мусора пребывали в трансе, необходимо было работать. Я понимал, что больше Муха ничего такого не выдаст. Дело не благородное метать бисер перед свиньями. Я выпорхнул из-за портьеры. Как там, у Антона Павловича: «Если в первом акте висит ружье, то во втором оно обязательно выстрелит». Преамбула мною была отодвинута на задний план. Схватив автомат, я заставил покинуть экс-визитеров сомнамбулическую нирвану. И в обстановке

парадной торжественности произнес:

– Не делайте, господа, лишних движений. Любая дефляция будет расценена мною, как провокация, и я имею указания свыше открывать огонь на поражение.

Во, тоже отчебучил, не кисло, да?! А ведь так тогда я и сказал, кроме шуток. Но паясничать особо времени не было, не лишено вероятности, что красноперые прибыли не пулом, их могли подстраховывать с подхода. Тут снова пропало Мишаню:

– Ну, что, мухоморы. Плетки на пол, руки в гору, хорош «глухо торчать» (находиться в эйфории).

Менты стали хоть и слабо, но догонять, что попали, и необходимо делать, что велят. По глазам Мухи не трудно было прочесть, что он уже на Мальдивах, или еще где. И эти двое всего лишь мелкий, хоть и липкий, форс-мажор по дороге на сладкое побережье. К ногам оборотней глухо свалились волыны, лоховские по меркам вооружения ПээМы. Только после всего случившегося, когда я ..., нет, не покинул квартиру, а когда буду сидеть там, на грязной и мерзкой, как голос коня Буденного, лестнице и курить кислую сигарету, меня схватит страх липкой жабьей лапой прямо за горло, вот тут, чуть ниже кадыка. Ну, менты-то по любому в штаны наделали.

Мы их связали спина к спине их же ремнями. Они получились как эмблема фирмы «Карро».

– Отметь, братан, – кинул Муха уже покидая скромную,

не скудную на впечатления гавань, как близнецы сиамские.

Вышли мы, как и входили. Все через ту же тазо-роговую, лыжно-багажную квартиру садоэкстремалов, справедливо опасаясь столкнуться с очередным внеплановым конкурентом. А что, монополию на балконный бизнес еще никто не ввел, надо бы подумать об этом в перспективе и на поднятые со слама финансы приобрести себе «карт-бланш» на несанкционированные проникновения в квартиры. Зарегистрируем в налоговой инспекции ЧП и поставим на учет с присвоением табельного номера «балерину» (отмычка)...

А еще мы прихватили с собой спасательный «пулемет» – галимый криминал, и обшмонали фемидников.

– Бей верха! – кричал Муха (бери из верхних карманов).

Ну, взяли, что Бог послал: две ксивы, филажи трогать не стали, еще у мусоров лаве не брал, много чести для подпесков. Уже по дороге в Мухину ночлежку он признался мне, что похоронил где-то свою матерую балерину.

– Ну, ты, бивень, в натуре!

Что я мог ему еще тогда ответить, но надеялся, что отмычка покинула карман где-то на уличных просторах или в гараже моего папахена...

Я глубоко затянулся. Горький дымище курятины больно пнул мои легкие, за дверью все стихло. Больше не блажил Ленусик-пиккинесик. Взвизгнула входная калитка, и на пороге нарисовался Муха. Выглядел он так себе, впрочем я бы на его месте смотрелся бы пох..., наверное. Могу се-

бе представить, что он бедолага чувствовал, а что я тогда мог понять, именно тогда. Это я осмыслю на кона три позже и не раз еще вспомню мохнатые, как крылья моли от пыли, ступени этого гребанного подъезда. Вы меня понимаете и Муху? Скверно, когда предают.

– Пойдем, Ванька, литряк возьмем, есть необходимость

Я не спорил, вспомнил сиамских «карро» и стало смешно, потом грустно...

Глава 6. Про селедку в постели

Прихватив в ночном гастрономе незамысловатого закуся, мы наметили маршрут в подвал. Он находился в нашем родном доме. Контора нами оборудованная еще пару-тройку лет назад занимала достойную площадь подземной цитадели. Это позже мы подсели на бухалово, божью травку и погрязли в грехе. Ранее до эпохи мирового материализма мы, дети подземелья, аналог купринским, отпрыски каменных джунглей, были наверное белыми и пушистыми. Признавали только спорт и таранили «бульдозером» общественную несправедливость, боролись за выживание и авторитет, набивали кулаки и забивали поперечно-полосатые мышцы. Занятия в душном, объятom миазмом потных тел, зале вызывали в нас полный оргазматрон. А нашей упрямой корпоративности мог позавидовать предводитель мирового пролетариата.

Нашу идею не могли остановить бюрократические барьеры и в «маму» пьяные слесаря. Борьба с последними в определенный момент достигала наивысшего апогея. Мы рыли, в буквальном смысле этого слова, землю из-за отсутствия высоких потолков, выносили ее, согнувшись в три погибели. Затекали руки, ныли ноги, но мы были упертыми. И форт выкинул белый флаг.

Каждый вечер я и Санек выходили на вылазки, по подь-

ездам пиздили резиновые коврики от дверей. Все это шло наустил земляного пола. За банку или пол литру договаривались на стройках, несли цемент, алибастр, песок, кирпич. Все это зимой на санках на пердячем пору. Нет, скотина-лень обходила нашу компанию далекой стороной. Тянули из дома шторы, дорожки, краску, модные спортивные постеры. В местном ЖЭКе заказывали незатейливые станки, штанги. Не вру, собирали бутылки, сдавали их и на те деньги приобретали спортивный инвентарь. По злому навету не единожды наш зал был разбомблен ублюдками слесарями с крысинными носами и гоблинскими затылками.

Конфронтация только лишь усиливала желание. Тревожные симптомы свинцовыми тучами кружили по всему подвалу. Однажды чаша нашего босяцкого терпения переполнилась. Воины воды, говна и пара набили уже приличную аскомину в нашем организме. Шкидская буза была неминуема, это лишь оставалось вопросом времени. Фурункул созрел и прорвал. Некий слесарюга Валера с особым цинизмом затопил нашу вотчину и плюнул тем самым на весь наш уклад, в душу нашего коллектива.

Ну что, «держаться за свайку» (заниматься онанизмом), наступило время превентивных мероприятий. Выцепив этого дерьмодемона в слесарке, кстати, она также, не к ночи упомянуто, располагалась в подвале, так вот, этот валет глиноземный был пьян в муку. Мы его в раз под молотки козла и к батарее, его любимого, пристегнули. Санек браслеты

надыбал, а ключей не было, в том-то весь и фокус. Закрыли его в дворницкой. Спецом помещение не подготавливали, так случайная хата.

Суть да дело, по бейцалам напинали да ребра гондону прощупали, булку хлеба в мотовилы сунули, чтобы совсем ласты не склеил, да оставили хороняку под «воробьем» (нависной замок).

Два дня он там вялился, клянусь своей треуголкой. Мы на него болт забили, на часы тоже, во времени потерялись. Может, так бы и откинул бы ласты, если бы не сам «гаврила» (дворник). Сунулся после запоя подметало за своими причиндалами, а замок не той системы. Ну, он смышленный дяхан, фомку на руку и исполнил взлом замка. Сунулся, а там миазм дерьма, аммиака, словом тушите свет... А он зажег. При освещении смотрит, туловище у батареи, вокруг озеро «лечебное», уринотерапией балуется, да спражений полные глушаки. Пригляделся, «взял в рифму» (опознать). «Валера! Слесаренок, Бог ты мой, кто это тебя!». А сам клюв воротит.

Худо бедно, а после дерби стало угасать. «Ваши не пляшут», – донесли мы до них. «Трое с боку, ваших нет, если два по кушу – пеняйте на себя, валетные». Так и отстояли нашу гавань. Стали с остервенением готовить себя к суровым подаркам каменной дворовой бытности.

Но, зато хочу отметить, была цель – здоровая. А что теперь?! Даунито-хромосома, ацентоново-черняшеч-

ный кайф. С 12-ти лет на «моменте», «барбитуре». Любители по вене, а потом по фене. Мы в общаг филажи собирали для благих целей, а современная золотая молодежь на ляпханки, ангидрид да кислый. Сварят, на веселе в баян зарядят и вмазываются. Двинуться на притоне, и что скоты, виснут, блюют и сопли пузырями. Фундамент нашего будущего. Дно – отстой, и между прочим сие явление социальное. ДК и спорт-залы под складами – пропаганды здорового образа нет, кумиры тинейджеров «Пуля». Микки Рурк – наркоман-супермен. Капюшон на ботву, чичи-гага на глаза и грязь по вене. Люди гибнут за металл. Иглы – они металлические. Это не то железо, которое мы тягали в подвале.

Была цель, а цель – есть жизнь, ибо, добившись ее, мы получаем удовлетворение ощущением себя знаковой единицей вселенского хаоса и снова ставим иную цель. А путь к ней и есть смысл бытия. Какой смысл у тех, кто забил себе плоскостопные мозги думками о том, как с утра разломаться, а к обеду поправиться.

Кстати, я не в коем случае не выгораживаю алкоголь. Кто сказал, что со стакана легко прыгнуть. Вот уж нет, не всем дано. Это та же трясина, разрушающая весь твой организм и размывающая волю. Детский алкоголизм на пороге 3-го столетия достиг наивысшей точки эскалации и ему, этому бесовскому явлению, нужна экстрадиция. Набивая сармаком свои «багажники», партократы (ранее), ныне олигархи, отцы народа, борющиеся за права детей, они упаковывают

подростков в деревянные макентошки.

Алкоголизм – фундаментальная основа для депрессии, отсюда суицид, кухонные разборки, топоры в спине и вилки под пупами. Бычий, совершенно дикий, не поддающийся никакому анализу криминал. Хотел взять взаймы у соседки на продолжение банкета. Та лояльно отказала. Итог – вломилась вся банда собутыльников и всю семью под орех разделала. Утром схватились – кикоз! Давай от тел избавляться. Расчлененка.. предлагаю продолжить.

Расположились мы с Мухой тихо мирно без кипеша. Расстелили клеенку на теннисном столе, подтянулся Санек. Шлюмка каротофана, винегрет. Пошинковали «гидрокурицу» (сельдь), Сашка из дома принес, «балясину» разложили (сало, колбаса). Словом, чики-чики, свои люди. В таких компаниях бытовуха отрицается и полностью исключена.

Загородили по первой. Муха закурил. Молчали долго. Понимали, Мишаня помин по чувствам справляет...

В подвальное глухое окошко раздался цинк. Два коротких, пауза, четыре. Свои, резонно отметил я. Прибыл Малый, как чуял. Мы отворили дверь, не посмотрев в «волчок», так уже определили (волчок – глазок).

– А, братва, гужуете! Слышал, slam солидный подняли, – первое, что выдал он.

При таких раскладах нам и к краноперым под прицел угодить как два пальца, придется кидать взятку, это в лучшем варианте. Нет, базара нет, Малыш не пиздобол, не ботоло,

словом, но кто еще при делах за эту масть.

– Кто тебе цинканул такую пургу? – фыркнул Муха. Он все еще пребывал в трансе, как трамвай.

– Да, ладно, завязывай «стойку держать», что, бивня во мне узрел (стойку держать – не колотья). Не менжуйся, братва, за мной мусора не маячат, – и Малый деланно обернулся. – Наливай, залудим за дела и за удачу. – Перескочил на другую тему Малыш.

Все дружно хапнули по пол граненных.

– Тут такое дело, пацаны, – снова взял голос тот, кто был последним. – Егора закрыли по ходу.

– Шотландца? – спросил я.

– Ну да, за ту разборку в «Маяке», когда он Дуста на перо надел.

– А что, терпила-то одыбался?

– Базар тебе нужен, жив «Помидор Укропович». А Егорке на кичман светит. Я через тетку, она у меня в райотделе на посылках, пробивал, следак кричит, завтра в централ этапируют.

– А как его приняли, он же отскочил? – озадаченно интересовался Санек.

– Сам бедовый сдался, пацанчиков от пресса мусорского оградил и не хотел, чтобы этот весь кипеш пиздадельный Ленька на себя взвесил. Они ведь как братья, в натуре, – Малый двумя пальцами поддел со стола жирный кусок «гидрокурицы» и нежно заложил себе в рот. Прожевав, закурил и,

метнув почти ровное кольцо в пространство, продолжил. – Надо, поцики, дачку сгношить и перекид устроить, я у старших пробивал. Чаю поболе, курева, даже если не дымит, в хате пригодится, бацила пореальнее, ну, там конфет, лаве зарядить. Ленька уже суетится, надо и нам для правильного пацана исполнить вещи.

– Лаве у нас есть, – безапелляционно выдал я. – А как загнать, вопрос другой. Через Ферзя тропу протопчем. Завтра с утра я кони с ним наведу. Он мне барбитуры обещал, заодно и побазарю.

Ферзь – было погоняло местного кентярика. В свое время он шахматами рьяно увлекался, когда остальные в битку долбились, пристенок да в кошевары. Повзрослел, поступил в медучилище, закончил, призвался в армейку. Дембельнулся и по какой-то своей протекции на тюрьму фельдшером устроился. Канает лепилой, но сам чертила хитровыебанный, к нему не на каждой козе подъедешь. Местом дорожит, блядина, но я тогда подумал, Шотландец катируется среди парней с городского дня, не раз Ферзю сопли разбивал и вообще, вряд ли шахматист помочь Егору зажлобит. Чревато, душа-то заячья у лепилы.

Сглотнув селедочный ком, Малый выпулил стоящее предложение. Бухло давало закономерные плоды.

– Слышь, парни, у меня самки есть отвязанные. Я драл их уже, пашут, как те пони. Одна вообще «двустволка» (любящая общаг). В ЦПХ живут.

ЦПХ – это общага педучилища, аббревиатура не нами выдумана, но, клянусь дрожжами, актуально-метко: центральное пиздо-хранилище. Я думаю такой архив мохнатых сейвоф есть в любом городе. Допив литряк и вооружившись необходимым антуражем, мы выдвинулись искать «ай лавью». «Мамы, папы, прячьте девок, мы идем любовь искать». Не слабо прикольный у Мухи был «кемель». На бок восьми-клинка, как Гаврош, и папироска, шел целенаправленно, как в бой. Ох, я и не завидовал мамзели, которая под Мишаню угодит. Всю злость сольет и еще в довесок елдой по лбу настучит. «Хорошо, – думал я тогда, – финку у него отнял. Мало ли в городе кипиша. Каждый второй норовит выдать туза за фигуру, а кто понты любит? Из наших – никто и сам не садит».

Муха мог пойти на обострение, а надо оно? По любому – нет. Мы как доги мраморные на случку идем, друг за другом косяком. Лица мандариновые, батареи кипят, шляпы дыматся... «Мамы, папы, прячьте девок...». Да какие в же... мамы, они в общаге, колхозницы. Ну, жизнь, только держись. Вот Егор на киче – это жопа, но об этом с утра, а теперь по мохнаткам ударим передовицей.

Утро в России вечно похмельное, наверное, даже для тех, кто не употребляет алкоголь. Я всегда знал, что миксовать синьку с другой синькой – это кикоз. Знал... ну, и что! Ничего не помню, точнее, слабо что.

Проснулся от жуткого сушняка, язык намертво присох

к небу, попробовал пошевелиться, не срослось. Руки, как вата, наверное, я Гулливер и меня опутали мерзопакостные тоталитарные лилипуты. Вот дерьмо. Постарался осемелироваться в пространстве, глаза плохо слушались, скрипели, словно, из глазниц тоже откачали всю влагу. Это они, засранцы, карлики. В носу застыли непроходимые сталактиты, и чертовски больно резали внутренние стенки ноздрей. Попытался что-то ляпнуть, да вовремя спохватился, язык-то присох. Получилось как у Герасима. От этого посталкогального мычания зашевелилось что-то справа. Я выдернул из носа неровный, как 18 турецких сабель, сталогмит или сталактит и, прилепив его куда-то под матрац, все же превозмог себя и повернул голову вправо. Моя несчастная голова напоминала мне колодезный чугунный люк. То, что я разглядел песочными глазами, никак не могло скрасить это поганое утро. В раскодированную ноздрю ударила стойкая струя шанхайского букета. Симбиоз неподмытых гениталий (прелая селедка) и ужасно стойкий, как французский афтошейв, миазм подмышкового пота. «О! Бля», – Герасим заговорил.

Я тут же подпрыгнул, оторвав свое тело от нечистого одра. Сокраментной фразы не изреклось, но глаза захлопали влагой. «Неужели я ее... того, и без гандонов, наверное?» Мне вдруг стало невыносимо жаль себя, а еще... еще стыдно перед Ленкой. Я живо вспомнил Мухин любовный рецидив с летальным исходом, и у меня зачесалось сердце.

Наспех натягивая свои доспехи, я то и дело представлял, как захожу к ней домой, к моей Ленке, захожу тихо без стука, а она исполняет бардельеро с одноклассником. Во мразь, пошинкую обоих. Я гнал от себя эту паранойю, но она почему-то не собиралась уходить.

Совершив несколько затяжных глотков из носика алюминиевого чайника, я, протря свои «караулки» (глаза), юзнул на выход. Ленка – сука, с каким-то демоном, бандерлогом, а я в это время... на задании... а-га! Я бежал вниз по зеленым ступеням и думал, какой же бивень мог додуматься подобрать для лестницы подобный колор. Уже на выходе я лбом столкнулся с Мухой и Малым. Они выглядели, полюбому, не лучше моего.

– А где Санек? – спросил я. – Сколько время?

– Вон баки висят на вахте.

– А Санек...

– Домой уже двинул, – подчеркнул Муха.

– Ну, Малый, ты подсуетил фрейлин. Кизяк, мама не горюй, – наехал я.

– А я что, обещал топ-моделей, – несколько обиженно бухнул Малыш.

– Да хули, на уши присел, «Укропа Помидоровича» исполнил, сейчас еще жди каких букетов. Такие вафельницы центровые. На конец, сто пудов, намотали. Надо в трипер-бар целиться. Ты долго, Малый, «ливер-то давил» (склонять к сексу) с этими колхозанками. «Алюры» галимые,

не знаю за ваших, но моя... – при слове последнем меня аж перекосило и кишки перевернуло в животе.

– А что ты меня на горло берешь. Сам намазался на этот движняк половой, а сейчас предьявы состраиваешь.

– Ладно, хорош, пацаны, «бутиловку» (скопление людей) с рамсами устраивать, пидалим отсюда. Надо разломаться, а то гнет похмелье, – вступил в полемику Муха.

Забегая вперед, скажу, Муха будет бухать еще с неделю. Топить любовь в граненном.

– Я позже подтянусь, – отмазался сразу же я. Очень уж не терпелось к Ленке нагрять. Да и вину чувствовал. Ведь у тебя, читатель, признайся, бывает такое. Вот... угадал.

– Ты далеко, Денис? – недоверчиво спросил Муха.

Я не стал говорить ему, куда иду на самом деле.

– До Ферзя доскачу, за дачку Егору проस्कанирую. Вы где, если что, будете?

– А то не знаешь.

– Понятно, подтянусь по любому.

Я Муху не обманул. Ферзя нашел, дал ему полный расклад по делу Шотландца. А он, оказывается, уже в теме за Егора. Кричит, что в данный момент пацан на сборке, завтра, край, послезавтра подымут в хату. Готовьте бандероль, перегоню без базара, ну и подсказал попутно, что там и как лучше зарядить, чтобы в порожняк не влетело. Я поблагодарил фельдшера, сказал ему..., что он, пожалуй, самый правильный и реальный парень от Аляски до Австралии, не исключая

всю остальную часть суши, за моря и океаны я п... ть уже не стал.

Ленка, Леночка, девочка моя. Она встретила меня глазами на мокром месте. Жемчуг слез делал ее шикарные глаза алмазами невысказанной огранки, дикой, не свойственной другим.

– Я звонила тебе, где ты был? – Она всхлипнула вздернутым носиком и зарядила, чего я не ожидал, мягкую, даже пушистую пощечину, но потом зажгло.

– Лена, мы бухали с Мухой у нас на подвале. У него кикоз, понимаешь, вилы, – и я не спеша поведал ей о том мелированном комке волос в волосатой промежности.

Я не скрыл и за наш «скачок», знал, она не сдаст, моя девочка. Я гладил ее волосы и мне было лучше всех. «Как здорово, что ты меня любишь». Прижимая ее крепче, как бы боясь упустить, я прошептал, но мне показалось, что прозвучало это вселенски громко. Как три горы рухнули разом и похоронили под собой целую цивилизацию... А хотя бы и Атлантиду.

– Леночка, я люблю тебя, котенок, – казалось, она замурлыкала. – У меня есть деньги, пока много, пока есть.

Она, не отрывая головы от моей груди, посмотрела мне прямо в глаза. Векторы совпали с геометрической погрешностью. Я знал, у меня есть ее кредит доверия, и, закусив удила, я продолжил:

– Лена выходи за меня замуж.

– Мы поженимся?!

Не дав еще и перемолоть мне того, что я сам тут набуровил, выплеснула она. Я принял ее тон.

– Да, если ты не против. Мы закатим немереную вселенскую фантосмогорическую попойку и уедем в круиз. Посетим Египет, Грецию, Багамы, – хотел приклеить ко всему Мальдивы, но живо выбросил эту крамольную мысль. – Будем обедать только в ВИП, жить в пентхаусе.

Ее бархатный поцелуй вознес меня до самого космоса, туда к созвездию Кассиопеи, пролетая мимо всех мыслимых и немыслимых медведиц. А потом, потом я рухнул вниз к камням ущелья. Это они, эти камни засыпали те города и людей.

Дверь в подвал была не заперта. Я услышал знакомые голоса и запах чего-то жаренного. Знать, братья кашу варят, как там в той сказке. По мере приближения к «спорт-залу» я взял в рифму жаренный кумар. Действительно пацаны варганили жареху. Коноплянную кашу. Рецепт не затейлив и прост. Записывайте, кто не знает или запоминайте. Отделяешь от жирных коноплевых побегов верхушки, перебираешь их от веток и палок. На раскалившуюся сковороду бросаешь «сиротский» ломоть сливочного масла. И не спеша укладываешь по верх сочные побеги, берешь толкушку и непрерывно толчешь жарево, перемешиваешь, когда зерна начинают постреливать, добавляем еще маслица, кропаль буквально, и сдабриваем всю эту канитель сгущеночкой. Га-

сим огонь, даем настояться и подостыть.

Очень даже ничего, как сникерс выходит, только без шоколада. Пару тройку весел при грамотном раскладе будет достаточно. Тогда я вкинул четыре ложки. Муха пять. Вот бы сейчас пригласил меня к себе Андрюха Макаревич в программу «Смак». Могу себе представить вытянутые и перекошенные морды лица, телевизионных критиков, да и обычных обывателей, если бы я приготовил подобную кашу, а после мы бы ее с ведущим под шквал аплодисментов в студии слопали и тарасило бы нас как собаку водолаза. Вот хохма, клянусь дрожжами.

В свое логическое священнодействие каша переходит часа через полтора два. Сидишь себе, в стире (карты играть) шпиляешь, на котлы глаза не пилешь, а тут на тебе – приход, как расколбасит, что того пионера перед древком отрядного знамя. И бывает, не знаешь, как и обломаться, соскочить с этого кайфа, в отличие от шалушки, которую покурил, это нечто иное. Накурился, утомило больше ржать или тупить, на хавчик пробило, поел ништяков всяких, чаечком отполировал и отпустило, перебил кайф. А при каше нет... держи карман шире. Начинаешь охотиться на холодильник, на рога его поставишь, веслом машешь, что шлюмка переворачивается, а прет еще больше. Только, наверное, синька перекоцает кумар, да и то... Отпустило ближе к вечеру.

Я обещал быть у Ленки, но ватные ноги существенно понижали мои акции. Но все же я побрел, переставляя колеса,

как Армстронг по Луне, если он, конечно, там был. Вот я-то был, это точно, а он...

– Ладно, братва, хай Гитлер! Завтра пересечемся, – полный оргазматрон.

Глава 7. Наливай, доченька

Потянулись серые будни. Утром работа (колпаки), вечером, а вечера я стал проводить все больше с Ленкой. Мы готовились к свадьбе. Я купил ей кольцо и заказал себе, дефилировали по магазинам, скупая все необходимое. В салоне бракосочетания подобрали Леночке шикарное платье. Она была великолепна, по неземному ослепительна, даже не знаю, как сказать. Говорят, жениху нельзя видеть невесту в подвенечном наряде раньше положенного, что к несчастью, но я видел, и хотел плевать на малахольные предрассудки.

Мы подали заявления. Я купил шампанское, и мы отпраздновали это событие.

Муха вышел из уразы, и от души был за меня рад. Родственникам говорить о нашем предстоящем мы не хотели, пока не будет все готово. Оставалось определиться с банкетным залом. Его мне посоветовал Санек. Его, Сашкин, старший брат являлся одним из активных членов ОПГ. Получали с барыг-кооператоров, выставляли свои станки (колпаки, лохотрон – лотерея). А также крышевали одного шустрого зверька Зазу. Тот Заза держал кафе с национальной кухней. Кафешка такая, ни хуя себе, нормальная, словом, не лховская, серьезная. Как ты, наверное, читатель, догоняешь, аренда и возня поварская обошлась мне в дармовщину. Я только загнал свой харч, да и то частично. Балясину, ваксу.

С машиной тоже определился. Сашкин братело сам намазался покатать нас на своей Бэхе. Мы должны были стать лучшими.

Загнал Шотландцу маляву. Он уже как месяц чалился на кичмане. Говорят, прописку прошел правильно, устоялся, не дал себя скомпрометировать, как многие другие первоходы, и даже был принят в блатную семью, сошелся с воров. Молодцом пацан, поднимется в жизни. Все это видели, не я один.

«Привет, братишка Егор, наверное, слышал за свадьбу мою предстоящую. Хотелось бы и тебя за столом видеть, но судьба банкует по-своему. Всех благ тебе и т.п.»

Через того же Ферзя загнал на тюрьму барскую дачку. Бухалово, деликатесы, чай, пирожное, фрукты, курятину, может, еще чего, не помню. Пришлось заплатить пупкарям. Бандероль солидная оказалась, и кум один на хвост приземлился, хитровыеб..., долю попросил, я этого ожидал.

Все шло к фестивалю. Выбрав момент для утилитарной беседы, мы вместе с Леной подкатили к ее шубутной мамаше. Она, признаюсь, не особо меня привечала. Босьяк, не более. Можно подумать, патрициевских кровей, аристократка, прототип Ростовой. Мания величия, не более того. Навязчивая фобия. Вооружившись необходимым на тот случай обаянием и, что не мало важно, терпением, я заглянул в универмаг, где приобрел шикарный торт «Замок» и бутылку красного вина... Да, не помню я, как там оно называлось. Мах-

нул грамм сто на ход ноги и двинулся на борьбу с ветренными мельницами, точнее, выбросил белый флаг, что ради семьи не исполнишь. Надо создавать новую ячейку общества.

Встретила меня потенциальная теща с искривленной геометрией лица, зато бабушка была как всегда улыбчива и приветлива, как старое индейское солнце. Может, мне надо было купить цветы на такой случай... Одного белого флага ей за глаза.

– Проходи, Ванюша, раздевайся, – привечала бабуленция, и это вселяло в меня здоровый оптимизм.

Леночка наскоро наладила стол, и пригласила всех. Меня, мигеру и старое солнце.

– Мама, бабуля, мы с Ваней решили пожениться, – не катая особо вату, изрекла Лена.

Мне показалось, что как-то скоропостижно. Вдруг мамашу кондратий приобнимет. Солнце засияло всеми девятисот пятнадцатью морщинками, похоже, она знала об этом. Маминого вердикта я ждал, как подсудимый ждет вынесения приговора, прислушиваясь к тяжелому молчанию народных «кивал» (присажные). А она сказала:

– Наливай, доченька.

Клянусь дрожжами, слово в слово, вот и разбери ее. Покинул я эту скованную цитадель каким-то помятым.

– Завтра идем к твоим? – поцеловав, спросила она.

– Да, тот еще будет высший форум, – ответил я и жутко захотел ее...

В этот же вечер я отзвонился Саньку и Мухе, мы словились у нас и крепко забухали.

– Нет, ты пойми...

– Это ты пойми. Для этой глумленной утки главное – твое положение в обществе, образование...

– Да не буксуй, муха, у меня свои университеты. Скажи ему, Санек, – во мне играло обостренное чувство социальной справедливости. Что-то прыгало ниже диафрагмы, и гудел душевный камертон. А водка уже плескалась под горлом, выталкивая поплавок наружу. Прагматический вечер подходил к своему логическому финалу.

– Дай закурить... у-у теб... у тебя есть сигареты, ты же покупал...

В обстановке парадной торжественности и похмельного синдрома я встретил новый день. В подвале было почему-то темно, наверное, отключили свет. Обнаружив себя на теннисном столе с гантелью под головой, я присел. Сколько же может быть времени. Я зажег свечу и обнаружил, что все три люминесцентные лампы разбиты в хлам. В целом, посидели не плохо. А что, по мужски, реально.

В проходе, как сомнамбула, замаячил Санек. Точнее, был виден только его барельеф. Из небытия застонал Муха.

– Дайте сигарету, а, пацаны, ... нет, кроме шуток.

Апокалипсис наступил уже сегодня.

Буду запредельно откровенен. Первое, что я совершил, выбравшись из подземелья, это помчался домой, дабы при-

вести себя хоть немного в порядок Ленке звонить не стал, она позвонила сама. О, Боже!

– Ваня! – она истерично вопила. Такой голос я слышал впервые в жизни. Он меня напугал, как будто стальной стержень вонзили мне в позвоночник, и дальше имплантировали в кору головного мозга. Вместе с ней кричал и я. – Ваня, родной, приходи к нам, Ванечка... Ну, что ты стоишь там. – Она взывала как волчица и бросила трубку.

Через 20 минут я толкнул входную безликую дверь ее квартиры. Она была не заперта. У порога терли шкуру пинкертоны, доктор со сморщенным носом, бросив в пространство сокраментально-банальное «Я позвоню от вас», принялся с особым цинизмом драть диск телефона. Точно, ведь внизу стояла карета скорой помощи и мусорской «бобон». Боже! Что же произошло?

Из комнаты выплыло старое солнце. Сегодня на него напало вековое затмение. Ленка, выскочив из кухни, бросилась ко мне. Я понял... Ее мать, склонная к суициду и всему такому, выпорхнула из окна своей спальни. Этаж позволял достигнуть грешной цели, так как был двенадцатый. Я прикрыл глаза, появилась картинка. Леночка в кружевном белоснежном платье. Амбец свадьбе! Вот каков мамашин вердикт. Весь скаромный харч, который мы затарили к свадьбе, ушел на поминальное мероприятие и пришелся весьма ко двору. Прогрессивная общественность скорбела. Проводить в последний путь патрисианскую особу собралась вся ми-

ровая творческая интеллигенция. Товароведы универмагов, экспедиторы разного разлива, бухгалтера недоучки. Виновницу торжества вынесли от чего-то в закрытом гробу, но после одумались и все же приоткрыли.

«Наливай, доченька», – прошипела она из шелковых простыней. Я шел рядом с Леной. Она была как-то неопрятна, вид ее заставлял переосмысливать тенденцию моды и цитировать философские трактаты. Словом, архаичный антураж. Такой я ее еще не видел. Да, в общем-то, это можно объяснить. Не каждый день ее шубутная маман совершала гибкие выпады. Я отдаю отчет, что глумлюсь над душой покойной, но она-то каким местом думала, когда пошла на суицид.

После я еще не раз буду вспоминать этот день, сжимая до хруста свои зубы. Что она сделала с нашим тандемом в целом и со своей дочерью в частности. Я часто еще стану анализировать наши отношения с моей Леночкой, но найти выхода, пусть даже гипотетического, наверное, не сумею уже никогда. Быть может, в падении нашего «Рима» львиная доля вины моя, как знать, наверное, более точную справку могут дать в небесной канцелярии, но я пока как-то не спешу туда. Ну, а коли выпадет, непременно загляну в окошечко тамошней регистратуры душ человеческих.

В день погребения у Лены была забавная прическа, вернее не было ни какой вовсе, растоманские хвостики и ветряная челка. Экстрадиция тела с земли грешной не известно куда состоялась без особого пафоса, кагорта творчески-эко-

номического слоя общества лишена эпотажа. Голова вращает в своих утилитарных мозговых магистралях только цифры и знаки математического толка, да и то... в определенном барыжно-сером направлении.

Был, правда, на погребении некий фуцин «Фан-фаных» (солидный мужчина), вот он и возложил на себя обязанности загробного тамады. Проводил панихиду чинно, спокойно, говорил о покойной много лестного и противоречивого, наверное «пер» мамашу в молодые блядские годы. Так тогда подумал я, но мне не было стыдно за мои крамольные мыслишки.

Свезли несостоявшуюся тещу на участок «номер три» (кладбище), похоронили и лопаты умыли. Я даже набросил ей на ход ноги пару горстей глинозема. Ну, если разобратся, человеком она была неплохим... или была бы.

Ну, а после вся бутафорская чучельная богема объявила войну на широко накрытый поминальный стол. Накидались алкоголя, мама не горюй, грузчики ведут себя на порядок достойнее. После третьей об усопшей не вспомнил никто. Все гужевали на мои деньги и критиковали советский строй. После «скромной литургии» и чревоугодия кафе Зазы напоминало графские развалины. Разложившиеся трупы бычков в рюмках с водкой, млечный путь из дикого симбиоза всех салатов и сочного интеллигентного блевантина. Пара-тройка заморышей под столом напоминали несчастных по наитию уцелевших после кораблекрушения и прошедших через

все круги ада. Те, кто видел тему на шаг вперед, а это толстозадые тетки с торгашеским минталитетом спешно набивали прозорливо принесенные с собой пакеты гуманитарной помощью. Они просто спасали продукты от затянувшегося акта вандализма.

Мы с Леной и бабушкой покинули Садом и Гоморру сразу же, предоставляя возможность скорбившим оставаться наедине со своей немереной скорбью. Кто-то умирает, а взамен появляется новый человек, это закономерно. Где-то убыло, значит где-то прибыло. Мы поехали к лене, выпив немного водки, нас неимоверно повлекло друг к другу, не знаю, вроде такой день, а мы... мы стали находку срывать одежду друг с друга и неистово целовались. Потом был секс, наверное, один из лучших в моей жизни...

После смерти матери Лена сильно изменилась, как будто на нее снизошло некое проклятие. Она, некогда желанная, любимая и любящая, стала с космической скоростью отторгаться от меня. Не могу это ничем объяснить, но клянусь, я не мог повернуть ситуацию к лесу задом, а к себе передом.

Говорят, не стучи дважды в закрытую дверь. Я плевать хотел на то, что говорят. Я долбился в эту самую мифическую дверь миллиарды раз, но она не открывала, заперлась. Часто стала говорить мне, что задержится на учебе.

– Так, давай я заеду за тобой позже.

– Не надо, Ванечка, я сама, – вот то, что она говорила мне, холодно и замогильно.

К тому времени я продал свою «семерку» и приобрел «девятку». Это было круто, но она, казалось, не заметила. Раньше она переживала и радовалась вместе со мной, и я думал, так будет вечно. Но однажды ее мама сказала: «Наливая, доченька», и все рухнуло, как Берлинская стена. Я дарил ей цветы, фоловал в рестораны, кино. Но все мимо. Тогда я плотняком наступил на синюю педаль. Никто меня не мог выдернуть со дна стакана. Все вокруг казалось блевантином, а люди «форшмаком» (негодяи). Я с наивным упованием смотрел на немой телефон и ждал, когда она наберет мне, готов был простить ей все, что угодно. Хоть и говорил ей, что измену не потерплю по любому. Знал, лгу сам себе. Я принял бы ее любой, не мог без нее. Мишаня успокаивал меня.

– Диня, ты пойми, время – это самый лучший доктор.

А я ему отвечал, выпивая определенную дозу:

– Миха, не лечи меня.

Найдя «ветошную малину», я упал там надолго. Ел только водку, запивал ею же. Вставал утром, меня колотило, как «серую шейку», заглядывал не в зеркало, а в пустые поллитрушки, и трясущимися ногами дефилировал к ларьку. Мог пить с кем угодно, и всем роптал на свою несчастную любовь.

– А ведь уже... шло дело к свадьбе, конь навел...

После снова просыпался одетый, весь помятый и не бритый с размытой волей и трясущимися руками. Я сознательно вгонял себя в могилу. Там-то я ее достану и посмотрю ей в глаза. «Наливай, доченька». «Он сказал – поехали, и мах-

нул рукой», – скотина, сука! Вот она, непредсказуемость жизненных сюжетов.

Скоро я пропил все филки, меня ломало, гнуло и колбасило. Я ходил по соседям и продавал им за бесценок видеокассеты, снова пил. Пропил бы и «девятку», если бы Санек не угнал ее от греха подальше.

А в это время Ленка все больше уделяла времени и внимания студентам однокурсникам, присела на легкие «драгс», посещала культовые, по их мнению, рок-фестивали. Тусовались в тех местах, где патлатые гребни куют хеви-рок и по ушам долбит кислотная музыка. Это было для нее своеобразной отдушиной, наверное, со мной она связывала свою неизлечимую фобию, прогрессирующую в стадию рецидива после гибели матери. По крайней мере, другого объяснения я не нашел.

Печальная необходимость заставляла меня совершать экзекуцию над собственным молодым организмом. В пору было оседлать перо и, подобно Марку Аврелию, писать трактат «наедине с собой». Но не Боги горшки обжигают, и я решил завязать. А в прочем, при всем богатстве выбора иной альтернативы у меня и не было. Я нашел новый смысл, доказать, что проживу и без нее, добьюсь всего и тогда загляну ей в глаза. Но встретил я ее намного раньше.

Прилетел Муха, весь какой-то возбужденный, на понтах.
– Слышь, братан, поехали, разгрузим вагон с циркулярами! – Он любил так выражаться, когда его душа требовала

бардельеро.

– У меня, Мишаня, лаве нане.

– Ты о чем, Диня, обижаешь, какие дела. Телега у входа, рванем в клуб, снимем телок и на квартиру, у мена есть на приколе в центре и «тальянку ломать» (скитаться без ночлега) не надо. Хоп, и в дамки. Поехали, а? Разломаемся, покуражимся, – убеждать он умел всегда. Я подписался.

Ненавижу эти клубы с тесными движняками. Но все же, где еще профуру достойную срежешь? Время-то идет, шляпа дымит, а я не «эксбиционист» – любитель лука (хочешь лука – возьми х... в руку). Раньше, еще вчера возможно, я был солидарен с мусье Бланшаром, который изрекал, что тело женщины – скрипка и надо быть прекрасным музыкантом, чтобы заставить его звучать. Сегодня отчего-то музыкантом мне быть не светило. Мой душевный камертон был настроен на циничные ноты доступного секса.

– Шура, я дам вам парабелум, – прокричал Муха, пытаюсь заглушить кислый скрежет начинающего в те годы рейва. – Нас ждут великие дела. Вон там две лани трутся.

Действительно, лярвы были не х... такие. Мы подкатили. У меня настроение было так себе, я бы выпил чего-нибудь для рывка, но Муху уже несло по бездорожью.

– А где таких приятных дам выращивают? – задал свой коронный вопрос он.

Они чего-то там съязвили в ответку и продолжали лавировать сочными бедрами. Мини юбченки выгодно обтягива-

ли их станки, так бы и вцепился с голодухи.

– Мы вам не помешаем, сударыни? – продолжал он свой натиск.

– Пристегивайтесь, паситесь!

Я чуть не помер. Вот умора, они так и сказали, точнее, одна из двух. Во, феня, ботают по-своему, тусовочный сленг. А на лицах абсолютная адиафра по отношению к нам. Экспансия затухала, им необходимо что-то иное, возможно, помахать сармаком, но я не успел завершить свой анализ сложившегося паритета шатких отношений.

Бросив в сторону обостренный взгляд, я онемел. Меня словно ударило сверху бейсбольной битой, а потом обсыпали мелом, затем процедуру повторили. Там среди стада полупацифистов стояла она. Нет, точно, это была она. Ломая клином клубный кизяк, я направленно двигался к ней. Но когда приблизился вплотную, не знал, о чем говорить, честное слово. Она тоже смотрела на меня. Под глазами у нее чернели круги, некогда глубокие озера, в которых я тонул каждый раз по-новому, пересохли, на мочках ушей болтались какие-то лоховские нелепые клипсы. Но я ее любил, я не перестал ее любить ни на йоту. Сколько же мы не виделись, звезда моя. Так я тогда подумал, а сказал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.